



*Шеф-повар Александр
Красовский*

Александр Санфиров

Александр Юрьевич Санфирков
Шеф-повар Александр
Красовский 1
Серия «Шеф-повар Александр
Красовский», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68951784
А. Санфирков. Шеф-повар Александр Красовский 1:

Аннотация

Сюжет непритязательный, попаданец в себя, в юности. Рояли кое-какие будут присутствовать, как же без них. Но никаких ноутбуков, айфонов и магии. Только знание будущего, притом без особых подробностей. Он даже песни ни одной до конца не сплет.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Операция	5
Дорога	10
Вытегра	16
Петрозаводск	24
Проблемы и их решение	30
Свадьба и проблемы вокруг нее	43
Все еще проблемы	56
Почти семейная жизнь	71
Ученье – свет	85
Жизнь семейная	100
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Александр Санфи́ров
Шеф-повар Александр
Красовский 1

Александр Санфи́ров

* * *

Операция

– Ну, что готов? – наклонившись ко мне, спросил Вовка Шорников. Несмотря на улыбку, в лице пожилого, опытного хирурга, моего однокурсника и коллеги проскакивала неуверенность и беспокойство.

– Как юный пионер, – ответил я, улыбнувшись в ответ.

– Тогда мы с бригадой моемся, – сказал Вовка и, повернувшись к медсестре, добавил:

– Зина, больному сделать премедикацию, и через двадцать минут везите в операционную.

– Хорошо, Владимир Андреевич, – ответила девушка.

Очередной укол я почти не заметил.

Когда каталку привезли в операционную, мне уже было хорошо. Боль, терзавшая тело последние полгода, ушла и застыла где-то в желудке.

Как ставили капельницу я уже не чувствовал и провалился в глубокий сон.

Первое, что ощутил, просыпаясь, это запах карболки.

– Странно, с чего бы это в реанимации карболкой полы начали мыть? – мелькнула мысль. Но она тут же исчезла, сметенная небывалым ощущением здоровья. У меня ничего не болело. Ну, просто вообще ничего. Даже ожидаемая дыхательная трубка в горле отсутствовала.

Ехидный разум отреагировал на это шутливо.

– Так, может, ты умер, поэтому ничего не болит? – спросил я сам себя и открыл глаза.

Взгляд, естественно, уперся в белый потолок. Повернув голову, я обнаружил, что гляжу в раскрытое настежь окно, в которое задувает легкий ветерок. А за окном шелестели раскрывающимся ярко-зелеными листьями березы, блестя белыми, покрашенными на метр от земли, стволами.

– Весна! Какая на хрен весна? – панические мысли бились в голове. – Неужели с января я находился в коме после наркоза?

На скрип двери голова рефлекторно повернулась в ту сторону и обнаружила нескладную фигуру в военной форме. В первую секунду фигура мне показалась чем-то знакомой, Но затем я замер в изумлении.

– Это же невозможно! Грязев, армия!

А военный призрак из прошлого вдруг заговорил:

– Санек, ты как, бля? Живой? Ну, ты дал, бля! Мы тебя, бля, на дембель провожали. Боцман чемодан нес, а ты у КПП, раз, и упал, бля.

Под бубнеж Сережки Грязева, товарища по службе в армии, я уселся в кровати и начал осматриваться.

Хоть прошло пятьдесят лет с армейских времен, и голова плохо соображала, до меня сразу дошло, что нахожусь в медсанчасти при штабе полка и сейчас на дворе должен быть май 1972 года.

Снова скрипнула дверь и, в палату зашел лейтенант ме-

дик.

– Ну, что сержант, мать твою, допился до эпилепсии, дембеля ожидая, – с ухмылкой спросил он.

Несмотря на кавардак в голове, я смог собраться и спокойно ответил:

– Не понимаю о чем вы, товарищ лейтенант, спиртных напитков не употреблял.

Лейтенант задумчиво поглядел на Сережку Грязева и жестом приказал ему убраться из палаты. После того, как тот вышел, лейтенант продолжил:

– Понимаешь парень, по всему, что я наблюдал, у тебя имел место приступ эпилепсии. Разумного объяснения кроме травмы и алкоголя у меня нет. Сам то, что можешь сказать по этому поводу?

Мысленно я усмехнулся.

– Самое время рассказать, что я из будущего с приветом прибыл, из-за этого и судорожный синдром развился.

– Ничего не могу сказать, товарищ лейтенант, разве, что вчера на крыше гаража целый день загорал, может, перегрелся?

– Хм, – задумался офицер. – Возможно и так. Вы ведь меры ни в чем не знаете. Дорвался до бесплатного. Ладно, давай я тебя гляну, если все нормально, езжай домой, ты мне тут на хрен не сдался. Ты нынче свободный, как ветер, гражданский кадр.

Измерив, давление и пару раз ткнув в грудь для вида фо-

нендоскопом, лейтенант скомандовал:

– Вставай, одевайся и выметайся из части на хрен. С вином будь осторожней, на всякий случай.

Когда я оделся и вышел на улицу, там меня дожидались несколько сослуживцев.

Они, столпившись вокруг, забросали вопросами, в основном, как я себя имею, и поеду ли сегодня домой.

К своему стыду, большинство парней я не помнил, голова гудела от мыслей. Не особо соображая, ответил на вопросы и, подхватив дембельский чемодан, подался в сторону КПП. До выхода из части меня несколько человек все же проводили, там я пообещал писать, как устроюсь на гражданке и, обнявшись с провожающими на прощание, пошлепал по дороге в сторону шоссе Ленинград – Мурманск до которого было всего ничего, полтора километра.

Механически передвигая ногами, я пытался понять, что происходит. То ли мне это все кажется, и я нахожусь в 2020 году после операции в своего рода онейроидном сне шизофреника, или никакого сна нет, я просто закончил службу в 1972 году, а будущее просто пригрезилось, пока меня рядом с КПП судорогами мотало.

Выйдя на шоссе, я, как когда-то, потопал в сторону заправки. Тогда, я уехал в Ленинград, где неделю болтался со школьным другом по барам, и лишь потом отправился домой. А что делать сейчас, пока не представлял.

Усевшись на скамейку у будки заправщицы, подставил ли-

цо весеннему майскому солнцу и начал думать, как жить дальше.

Еще буквально полтора часа назад по моим ощущениям я надеялся остаться в живых после сложной операции. И пожить хотя бы еще пару лет. Завершить, так сказать, седьмой десяток. Видимо, там я его так и не завершил, иначе с чего мне попадать сюда в свое прошлое. Хотя, кто его знает, может я и там живее всех живых. А здесь мне только две недели назад исполнился двадцать один год, впереди лежала жизнь, которую хотелось бы прожить по-новому. Черт его знает, почему так получилось? Но раз получилось, надо жить и радоваться жизни и никак иначе.

– А не поеду я к Вовке в Питер, не тянет, что-то по барам шляться. Поеду, лучше я к Люде Струниной, тем более она два года мне писала, что верность хранит, как стопочка. В тот раз я предпочел учебу семейной жизни, а в этот раз начну с нее. Может, в этот раз получится удачней. Только бы тот, кто устроил мне такое переселение, не отыграл все назад.

Я решительно встал и перешел на другую сторону дороги.

Дорога

Ожидание попутки долго не продлилось, через пятнадцать минут рядом с бревном, на котором я сидел, остановился грузовик.

– Эй, земля! – крикнул в открытое окно водитель. – Далеко собрался?

– Да не очень, до Вытегры не довезешь?

– Не, не довезу, – с сожалением в голосе ответил он. – Я до Лодейки еду, поедешь?

– Конечно, – кивнул я. – В Лодейном Поле, наверняка, найду с кем дальше ехать.

– Садись, давай. Время, как говорится, деньги, – сообщил водитель, окая, как все коренные вологжане.

Я поставил чемодан себе в ноги и уселся на продавленное сиденье.

Машина взревела прогоревшим глушителем и тронулась с места.

На беду водитель попался разговорчивый, поэтому, вместо того, чтобы обдумывать будущие шаги, пришлось заняться беседой об армейской службе. Сам Серега Федоров, как представился водитель, дембельнулся два года назад и был готов говорить об армии сколько угодно.

Тем не менее, он успел поинтересоваться, зачем я еду в Вытегру, если живу в Петрозаводске. И очень удивился, что

я собрался в гости к девушке.

– Ну, ты, блин, даешь, парень! Девочек миллион вокруг, а ты на кудыкину гору едешь. Два года не шутка, чего она там делала, кто ее знает. Бабы, они знаешь какие коварные, поверь моему опыту.

Я слушал безобидный треп мальчишки и мысленно улыбался.

– Ты дурачок, ее просто не знаешь. Хотя я сам был такой же идиот, когда не поехал к ней, не стал писать, и боязливо ждал её писем, но так и не дождался. И зачем? Чтобы оставшуюся жизнь попрекать себя? Нет, я поеду и попытаюсь понять, было ли это моей ошибкой. Тем более судьба незаслуженно подарила мне второй шанс.

В Лодейное Поле мы приехали в девять вечера. Поглядев на пустынные улицы поселка, Федоров предложил:

– Зёма, давай ты у нас переночуешь, а завтра к своей ненаглядной красе рванешь?

Естественно, я согласился и вскоре ужинал в семейной кампании Федоровых.

Анна Ивановна, мама Сергея встретила меня не очень ласково, но после того, как сын ей сообщил, откуда и зачем я еду в Вытегру, сразу стала приветливей и начала собирать на стол. Ее муж, пользуясь моментом, выклянчил у нее маленькую.

– Ты, что мать, такое дело надо отметить, не каждый день парни женихаться едут. А ты Сережка бери пример с него, –

обратился он к сыну. — Двадцать пять лет скоро, а в голове ветер гуляет, Только по танцулькам бегаешь, да девок по кустам мнешь.

Сережка на родительские попреки особо внимания не обращал, а продолжал меня наставлять, сообщив, что самая сейчас выгодная профессия, стать водителем. Его отец от него не отставал, поддакивая сыну в его речах. Сеанс наставлений закончился, только когда меня отправили спать в мансарду.

Как ни странно, заснул я практически сразу. Даже снов не видел. Уж больно много событий прошло в этот трудный день. Утром уже было не до разговоров, все спешили на работу, Позавтракав, я хотел сунуть три рубля Анне Ивановне, но деньги были с ужасом отвергнуты.

— Саша, как тебе не стыдно! Люди то, что скажут, что я с солдата деньги брала. Убери, и больше предлагай. Езжай в свою Вытегру, желаю, чтобы у тебя с девочкой все сладилось.

Через полчаса я уже стоял на автобусной остановке, и поднимал руку всем попутным машинам. Но до Вытегры сразу добраться не удалось. Новый молоковоз, сверкая свежеразкрашенными боками, довез меня до старинного вепсского села Ошта. Водитель на этот раз попался неразговорчивый. Большую часть времени он курил, да иногда усмехался неизвестно чему в пышные черные усы. Высадил он меня прямо на остановке.

Посмотрев на расписание автобуса, я отправился в столо-

вую и только там почувствовал, насколько голоден. Съев два первых блюда и два вторых, и выпив пару компотов, я отправился ловить попутку. До Вытегры было, собственно, рукой подать, а вот машин в ту сторону так ни одной не проехало.

Пришлось торчать на улице до момента, когда вечером к остановке подкатил рейсовый автобус Петрозаводск – Вытегра. С вздохом облегчения я забрался внутрь, купил билет у водителя и развалился на свободном сиденье. Пассажиров в автобусе практически не было, лишь несколько женщин, подсев ближе друг к другу, обсуждали какие-то проблемы, изредка поглядывая на меня.

Чем ближе мы подъезжали к городу, тем сильнее меня охватывало нервное напряжение.

– Перестань, – говорил я сам себе. – Успокойся, представь, что не было прошедших пятидесяти лет. Ты же еще несколько дней назад писал девушке письмо, обещал приехать. Успокойся, мать твою! Ты в этой жизни еще не нарушил своих обещаний. Делай, что должен и будь, что будет.

Видимо, мои гримасы привлекли внимание, потому, что одна из пассажирок подошла ко мне и спросила:

– Солдатик, с тобой все в порядке? Или, что болит?

Я мотнул головой и улыбнулся.

– Нет, все нормально, просто устал.

Женщина, лет сорока, не успокаивалась.

– А ты, чей будешь, паренек? Что-то личность твоя незнакома? – снова спросила она.

– Я из армии возвращаюсь, а в Вытегру в гости еду, – ответил я, явно напрашиваясь на следующий вопрос. И он сразу последовал.

– А к кому, если не секрет? – любопытствовала собеседница, а соседки сразу наострили уши.

– К Струниной Людмиле.

Женщина уселась вновь поближе к своим товаркам, и они начали вспоминать, кто такие Струнины и где живут. Обо мне они на время позабыли.

– Ой, да это же он к фершалице едет, к Людмиле, – неожиданно воскликнула одна из бабок. – Та на скорой помощи работает.

Женская болтовня меня слегка отвлекла, и на душе стало немного спокойней.

У небольшого деревянного здания автобусной станции автобус остановился, а когда я вышел из него, попутчицы хором принялись объяснять, куда мне надо идти.

Добираться пришлось совсем недалеко и вот он, деревянный одноэтажный дом, в который я мысленно входил тысячу раз, но так и не вошел в прошлой жизни.

Я долго стоял у калитки, не решаясь зайти, но все же взял себя в руки и сделал первый шаг.

– Чего ты боишься, она же девчонка, ей всего двадцать один год, – успокаивал я сам себя. – У тебя таких девчонок было легион. Неужели не найдешь, что сказать?

Тем не менее, я робко постучал в крашеную коричневой

эмалью дверь.

Потом постучал еще раз. В коридоре слышались легкие шаги. Дверь открылась, и в проеме показалось заспанное лицо моей девушки.

– Саша, милый, ты приехал! – выдохнула она и, раскинув руки, кинулась мне в объятия.

Вмиг все умные мысли вылетели из головы, и мы принялись целоваться тут же на крыльце.

Первой пришла в себя Люда.

– Саша, пожалуйста, хватит, проходи скорей в дом. Боже! Как я рада, что ты приехал. Я даже не надеялась, что ты так быстро ко мне соберешься, – тараторила она, заводя меня в дом. – А я сегодня с ночи, дежурство тяжелое было, поэтому рано спать легла.

Из коридора мы прошли на кухню, Люда включила свет и я начал разглядывать небогатую обстановку.

– Ты, что ли одна дома? – спросил я, удивляясь, что не слышу больше никого.

– Да, родители уехали на выходные в Вознесенье, а брат уже полгода живет у жены. Ой! Ты, наверно, голодный, сейчас я макароны разогрею.

Не надо макарон – хриплым от волнения голосом сказал я. – Лучше покажи, где твоя комната?

Не дожидаясь ответа, легко поднял девушку на руки и понес ее в первую попавшуюся дверь.

Вытегра

Мы лежали вдвоем на узкой скрипучей кровати, Люда повернувшись ко мне, водила пальцем по моей, пока еще безволосой, груди. Простыня с кровавым пятном, была уже застирана и кинута в бак с замоченным бельем.

– Саша, признайся честно, я у тебя не первая? – неожиданно спросила девушка.

– Понятно, откуда ветер дует, перестарался, – подумал я и без тени сомнения заявил:

– В этой жизни ты моя единственная и неповторимая женщина.

После чего чмокнул ее в розовый сосок, расположившийся очень удобно для этой цели.

– Понимаешь, Саша, я просто тебя не узнаю, за эти два года ты так изменился, даже говоришь по-другому. Ты такой стеснительный был. Помнишь, тогда, перед армией, в общестии, ты меня почти уговорил, а потом сам испугался. А сегодня так уверен в себе. Я думаю, у тебя кто-то появился, пока служил в Новой Ладого, – всхлипнув, сообщила Люда.

– Да, уж чего-чего, а глаза у нее вечно на мокром месте, – сочувственно подумал я. И начал заверять, что все два года вел аскетический образ жизни, что, в общем, соответствовало действительности, сопровождая слова поцелуями.

Чтобы это было убедительней, пустил в ход руки. Вскоре

Люда тяжело задышала и мгновение спустя, раздался тихий стон.

Через несколько минут она уже заснула. У меня же сна не было ни в одном глазу.

Я думал о будущем.

А о нем, действительно, стоило подумать. Снова становиться врачом не было никакого желания. Тем более не было желания изменять что-либо в будущем, кроме своей жизни. Пусть все идет своим чередом. Горбачев, Ельцин, Путин, мне дела до них нет, надо думать о себе и своих родных. Люд-ка будет моей женой, это без сомнений. Девушка, дождавшаяся парня из армии, даже в это время большая редкость. Жаль, что в той жизни я этого так и не узнал.

– Так, в Вытегре мы, конечно, не останемся, надо перебраться в Петрозаводск, а со временем, возможно, и в Питер.

Время близилось к четверем утра, а я все не мог заснуть. С Беломоро – Балтийского канала периодически доносились гудки теплоходов, проходивших шлюз. Люда мирно сопела в подушку, закинув руку мне на грудь. Как будто век так спала.

– Странно все это, – подумал я. – Моему нынешнему сознанию семьдесят лет. Дряхлый старик с точки зрения молодежи. А я ведь и в своем старом теле стариком себя не ощущал, а сейчас и тем более. Вот только размышляю и планирую по-взрослому. Эх, жаль, что никогда не обращал внимания на сообщения в газетах о найденных кладах. Сейчас бы очень кстати пришлось. Ладно, чего мечтать о несбыточном,

давай, мыслить ближе к реальности.

В семь часов я осторожно убрал с себя руку девушки, а заодно и ногу, которую она по-хозяйски успела закинуть на меня. Немало подивившись такому быстрому привыканию, отправился на кухню.

Там было прохладно. Поежившись, я затопил плиту и начал готовить завтрак.

Вскоре на сковородке скворчала нарезанная ломтиками докторская колбаса, увы, кроме нее, молока, масла и яиц в холодильнике Саратов ничего больше не нашлось. Залив колбасу взбитыми с молоком яйцами и, выключив электро-чайник, я отправился будить Люду.

– Любимая, вставай, завтрак на столе, – шепнул я ей в ухо.

Девушка открыла глаза и испуганно ойкнула, закрывая грудь одеялом.

– Я, что так всю ночь спала, без сорочки? – спросила она, укрывшись почти с головой. – Боже, какая я бесстыжая!

– Ну, почему же бесстыжая? Совсем нет, очень даже стеснительная, – сообщил я, бесцеремонно забираясь к ней под одеяло.

Ой! Ты такой холодный! – взвизгнула Люда, тем не менее, прижимаясь крепче ко мне.

Впрочем, долго мы не залеживались, еда могла остыть.

Зато после завтрака мы вновь отправились в койку. У Люды завтра было дневное дежурство, поэтому сегодняшней день следовало использовать с толком.

В первом часу все же пришлось вылезти из кровати. Есть хотелось не по-детски.

– Так, ну, и что у вас тут из продуктов имеется? – деловито потирая руки, бодро спросил я.

Люда, сидевшая на табуретке в тщательно застегнутом халатике и заплетающая русую косу, засмушалась.

– Саш, я же не знала, что ты вчера появишься. Родители на два дня уехали, я одна дома осталась. Думала, чем-нибудь перекушу и все. Дома голяк, а мужчину надо мясом кормить. Я сейчас к соседке схожу, они вчера барана зарезали, может, продаст мне мяса немного.

– В правильном направлении мыслишь, – одобрил я ее слова. – Ну, а я пока тут приберусь чуток.

Люда вернулась минут через сорок. Оказывается, она успела еще сбегать в магазин купить хлеба, молока и бутылку Каберне.

– Другого вина не было, – сказала она извиняющим тоном.

– И не надо, – ответил я, разглядывая увесистый шмоток баранины, – Для шашлыка в самый раз. Главное проволоку толстую для шампуров найти.

И я приступил к своему любимому хобби последних двадцати лет жизни, готовке.

Люда, пытавшаяся взять дело в свои руки, была мягко оттеснена в сторону и сидела за столом с потерянным видом, время, от времени спрашивая, не может ли чем помочь.

Через два часа все было готово. Салат из квашеной капу-

сты с лучком, шашлык, по быстрому замаринованный в вине и приготовленный в топке печи, запеченный картофель по-шведски с чесноком и самодельным майонезом. Подсолнечное масло для него, конечно, было не фонтан, но за неимением лучшего сошло и оно.

Пока готовил все это великолепие, у самого разыгрался аппетит.

Люда, смотревшая, как я шинкую лук, удивленно воскликнула:

– Саша, ты, наверно, в армии поваром служил? Два года назад у тебя таких талантов точно не было.

– Плохо смотрела, – улыбнулся я и поцеловал сразу нахохлившуюся подругу. – Давай, лучше приступим к трапезе.

Я уселся за стол, и тут меня осенило. Повар! Вот кем мне надо стать, профессиональным поваром. На хрен всяких докторов, инженеров. В обозримом будущем, кроме партийных боссов и других начальников только повар будет жить, как человек. Притом, особо не опасаясь даже ОБХСС, там ведь тоже люди служат.

Плеснув в бокалы вина, я сказал:

– Давай, выпьем за нашу встречу после долгой разлуки, и чтобы у нас все было хорошо.

Люда, шмыгнув носом, подняла бокал. В уголках глаз у нее опять стояли слезы.

– Людмила, что ты плачешь все время, в чем дело? – спросил я, отставляя в сторону пустой бокал.

– Я, я боялась, что ты не приедешь. Девчонки смеялись надо мной. На танцы звали, предлагали познакомиться с кем-нибудь. Дурой называли!

При последних словах она разрыдалась.

Я сидел и молчал, было мучительно больно за прошлое. Но в нем ничего уже нельзя было изменить. Можно менять сейчас.

– Все, прекращай рыдать, – скомандовал я, собравшись с мыслями. – Лучше поговорим, как мы будем жить дальше. Я вижу это так, сегодня вечером еду в Петрозаводск, получаю паспорт, и сразу приеду к тебе, надеюсь, родители не будут против моей прописки у вас, иначе заявление в ЗАГС могут не принять. После свадьбы ты увольняешься, и мы вместе уезжаем в Петрозаводск, снимем комнату в частном секторе, на работу там тебе можно устроиться без проблем, а я найду ночную подработку, и буду, возможно, поступать в торгово-кулинарное училище.

Я ожидал вопросов, удивления, возмущения, да мало ли чего еще. А моя подруга, все еще шмыгая носом, просто ответила:

– Санчик, рядом с тобой я на все согласна. О прописке можешь не переживать, пусть только попробуют не прописать.

– Вот так бриллиант мне дураку повезло отыскать! – мысленно восхитился я. – Патриархат рулит, надеюсь, после свадьбы жена свои слова назад не заберет.

В этот момент раздался стук в дверь.

– Заходите, – крикнула Люда. В дверь вошла остроликая женщина лет под пятьдесят.

Быстрым взглядом она осмотрела нас и неодобрительно уперлась взглядом в голые коленки Люды. Та засмузилась и попыталась прикрыть их полами халата, что ей не очень удалось.

– Саша, это наша соседка Валентина Петровна, я у нее баранину покупала, представила она женщину.

Я встал и, представившись, пригласил даму за стол.

– Валентина Петровна, присаживайтесь, попробуйте, что бог послал.

Не скрываемое разочарование соседки при взгляде на меня, видимо, ожидала увидеть писаного красавца, сменилось заинтересованностью.

Через минуту она с удовольствием ела шашлык и не отказалась от капельки вина. А в следующие полчаса я узнал многое о соседях, какие они все гады, и какая золотая Людочка Струнина, уважительная, умница, скромница, хорошая хозяйка, а то, что она носит очки, и часто болела в детстве, так это ерунда, как и то, что Николай Васильевич ее отец, любит злоупотребить водочкой. А мама со всех сторон хорошая, только скуповата. Брат Витька настоящий прохиндей и тоже не дурак выпить.

Послушав некоторое время такие речи, я сказал:

– Валентина Петровна, вы уж извините, мы с Людой долго не виделись, надо о многом поговорить, давайте вы нам все

расскажете в другой раз.

Соседка скорчила недовольную мину, но все же убралась.

– Саша, какой ты молодец! Я бы так не смогла ее выгнать. Хотя еще, когда мясо покупала, поняла, что она припрется на тебя посмотреть, – воскликнула Люда.

– Вот-вот, – проворчал я. – Обойдемся без смотрин, лучше закрой дверь, нас дома ни для кого нет до вечера. Времени и так мало осталось.

Петрозаводск

Вечером я так никуда и не уехал. Зато утром пришлось вставать чуть свет, собираясь на автобус. Людка все-таки пошла меня провожать, несмотря на уговоры остаться дома и еще немного поспать перед работой. И на автобусной станции опять хлюпала носом на моем плече под любопытствующие взгляды стоявших рядом пассажиров. А потом долго махала рукой, пока автобус не исчез из вида.

Первые километров сто мы проехали по влажной с ночи дороге, затем под солнцем она подсохла, и в автобусе стало не продохнуть от пыли. Не помогало даже открытое в потолке окно. Поэтому в селе Вознесенье, пока мы стояли в очереди на паром, все дружно повалили на улицу, отплевываясь и откашливаясь от вездесущей пылюки.

– Скорей бы мост через Свирь построили, надоело на пароме каждый день в очереди по часу стоять, – сообщил мужичок, сидевший рядом. – Слышал, его вроде бы через год начнут возводить?

Я на его слова пробормотал что-то невразумительное. А что мне было говорить? Что и через пятьдесят лет никакого моста здесь не появится, разве, что паром заменят на новый.

После Вознесенья, я все же заснул, несмотря на пылевые атаки, а, засыпая, продолжал жалеть будущую жену:

– Бедная Людка, как она сегодня отработает после бессон-

ной ночи. Да еще встала со мной в пять утра.

От автовокзала в Петрозаводске до дома я дошел пешком. Для человека не один год лишённого такой возможности, это было несказанным удовольствием. Тем более что память моя ни капли не забыла старые кварталы города, сейчас лишённые новостроек будущего.

Увы, но дома меня никто не встречал. Мама еще была на работе, брат неизвестно где, возможно, на учебе. Ключ под ковриком также отсутствовал.

Я хотел, было пойти во двор и там дожидаться маму, или брата, но на втором этаже меня перехватила Людмила Ивановна старушка из пятой квартиры. Так, что вскоре я пил чай и рассказывал ей и ее сестре Полине Ивановне о службе в рядах Советской армии.

Те в свою очередь рассказывали как дела у наших соседей, ругали соседских хулиганов и хвалили моего брата Пашку, какой он внимательный и вежливый, в чем большая заслуга нашей мамы. Когда за дверью кто-то прогрохотал по ступенькам, бабули переглянулись и сразу сообщили, что мой брат явился, не запылится. Поблагодарив старушек за чай и приют, я поднялся на третий этаж и зашел домой. Братец, как обычно, дверь за собой не закрыл.

– О, Сашка, приехал! ЗдравОво! – радостно заорал он. – Слушай, а форма у тебя классная, я такой еще не видел. Фуражка, вообще, как у немцев в фильмах. Дай, я примерю.

Кинув мне спортивное трико, он быстро одел парадку и

начал разглядывать себя со всех сторон в зеркале. Таким его и застала мама, с порога возмущенная тем, что входная дверь, как всегда, не закрыта.

– Как, мама, мне идет форма? – спросил Пашка, но мама смотрела на меня.

– Саша, даже не верю, что ты приехал, я так рада, – и она зашмыгала носом, как недавно это делала Люда.

После недолгих слез радости, объятий, нас с Пашкой отправили в комнату, с наказом не выходить, пока не будет готов ужин.

Пашка пытался расспрашивать меня о службе. Но что я мог ему рассказать? Воспоминания пятидесятилетней давности? Поэтому отвечал на его вопросы без особого желания. Зато сам он болтал, как заведенный, в основном о сдаче зачетов и экзаменов за второй курс медфака университета.

Да все пока было, как в той жизни, вот только я на этот раз примеру Пашки подражать не собираюсь.

Тем временем, Паша, забыв экзамены, начал обсуждать одноклассниц, на предмет, какая из них быстрее ему даст.

На что я логично заметил, что если за два года учебы никто из девушек ему не дал, почему он думает, что дальше будет по-другому. Но братец не терял энтузиазма и надеялся на лучшее.

Увлекательный разговор о достоинствах девушек прервала мама, позвавшая нас к столу.

Как обычно, в будние дни стол у нас от разносолов не ло-

мился. На мамину зарплату школьного врача и Пашкину стипендию особо не пошикуешь.

Картошка с говяжьей тушенкой и черным хлебом, и чай с куском белого хлеба с маслом, был весь нехитрый ужин. Правда, ради моего приезда была открыта банка с маринованными маслятами и банка варенья из княженики. Пашке повезло в прошлом году набрать ягод на две пол-литровых баночки варенья.

Когда тарелки опустели, Клара Максимовна приняла строгий вид и произнесла:

– Саша, нам надо серьезно поговорить. Мне хочется знать, как ты собираешься жить дальше. Пойдешь опять на завод работать токарем, или все-таки будешь поступать в ВУЗ.

Паша, как только услышал про серьезный разговор, сразу слинял из-за стола и скрылся в комнате, крикнув оттуда:

– Мам, меня не кантовать, я учу микроба!

Для меня происходящее все еще казалось нереальным. Память сохранила маму худенькой невысокой старушкой, а тут она выглядела цветущей женщиной, очень даже ничего, которая еще вполне могла устроить свою личную жизнь.

Также и Пашка. Буквально три дня назад мы с ним говорили по Скайпу.

Он был лысым и морщинистым дедом в окружении внуков. А сейчас, салага салагой и только готовится к экзаменам за второй курс.

– Саша, ты где? Я тебя слушаю, – прервала мама мои раз-

мышления.

– Мда, ну, я тебя сейчас и огорошу, – подумал я и спросил:

– Мама, ты помнишь девушку, провожавшую меня в армию?

– Помню, – мама поджала губы. – Она мне не понравилась, высокая, бледная, наверно болеет часто.

– Так вот, я по дороге заехал к ней домой в Вытегру. И мы договорились подать заявление в ЗАГС. А Люда совсем не высокая, всего метр восемьдесят, на целых пять сантиметров ниже меня, – сообщил я в ответ на мамину эскападу.

Мама сделала скорбное лицо и тихо сказала:

– Так и знала, что ты куда-нибудь вляпаешься, у меня сердце-вещун, Саша, ну, зачем тебе хомут на шею вешать? Ведь вы ребеночка быстро соорудите, а у тебя ни жилья, ни профессии. Или ты думаешь в примачи пойти, в Вытегру уехать?

Я пытался подробно рассказать о своих планах, но мама только качала головой и, наконец, расплакалась. Но ее слезы меня особо не взволновали.

– Ты бы мамочка, вместо того, чтобы меня наставлять, нашла бы себе мужичка делового. Ты у нас женщина видная, как говорится в сорок пять баба ягодка опять, – я наставительно сообщил ей.

– Не нужны мне мужики, вашего папаши, по уши хватило! – возмутилась мама, и слезы у нее сразу исчезли.

Мы еще поговорили, но разговор так ничем и не закон-

чился. Высокие договаривающиеся стороны остались при своем мнении.

Оставив меня в покое, мама переключилась на Павла.

– Слышал новость? – крикнула она в комнату, где тот, якобы, занимался. – Твой брат – балбес не хочет учиться, а хочет жениться.

Пашка выскочил оттуда, выпучив глаза.

– Сашка, ты что, ебан...ся? – крикнул он и тут же закрыл рот ладонью. – Мама, прости, нечаянно вырвалось.

– Ничего сынок, прощаю, в данном случае по другому не скажешь, надеюсь, ты мне такого сюрприза не преподнесешь?

– Да, ты, что мам, что я больной, в девятнадцать лет жизнь заканчивать? Это Сашка у нас сильно взрослый, пусть женится, если так хочется.

Ха! Так если он женится, то комната будет полностью моя? Отлично! Сашкец, давай, женись быстрее, а то я за два года привык, что спать никто не мешает, – радостно завершил свою речь Паша.

Несмотря на разногласия с мамой, вечер прошел у нас дружеской обстановке, я узнал много нового, что когда-то давно и успешно забыл.

Запланировав на завтра поход в паспортный стол, я улегся спать на старенькую оттоманку, которую мы должны были выбросить года через два.

Проблемы и их решение

Заснуть то я заснул, только минут через тридцать проснулся от неприятного жжения в боку. Почесавшись, повернулся на другой бок и собрался снова заснуть. Но тут зачесался другой бок и рука.

– Что за чертовщина? Аллергия что ли на домашнюю пыль разыгралась?

Усевшись в кровати, снова начал чесать зудящие места.

Пашка повернувшись к стене, спал сладким сном. В мыслях, завидуя ему, я снова улегся. И почти сразу зачесалась нога.

– Блин! Да это же меня клопы атакуют, – наконец, дошла до меня причина чеса. Включив настольную лампу, я с ней в руках начал разглядывать постельное белье.

Как ни старался все это проделать тихо, Пашку все же разбудил.

– Сашка, ты чего там копаешься, спать не даешь? – сонным голосом пробормотал он.

– Тут у вас поспишь, развели, блин, клопов на мою голову, – сообщил я в ответ, пытаюсь раздавить очередного кровопийцу.

– Нет у нас никаких клопов, чего врешь то! Мы их еще в прошлом году вывели, – возмутился брательник.

Мама от его воплей сразу проснулась и, конечно, не смог-

ла оставить без внимания нашу ночную перепалку.

– Вы чего не спите, полуночники? – спросила она из-за двери.

– Поспишь тут, – буркнул Павел. – Сашка уже час клопов в постели гоняет.

– Понятно, – сразу успокоилась маман. – Это они на свежачок так реагируют. Потом привыкнут, и так зло кусаться не будут.

– Ну, уж нафиг, нафиг! – возмутился я. – Завтра же покупаю дихлофос, или карбофос, что первым попадется, лучше пусть им воняет, чем этими гадами, я не такой оптимист, считать их вонь запахом коньяка.

Поймав больше половины разбегающихся клопов, я снова улегся в постель. На этот раз уснул сразу, поэтому не знаю, кусали меня клопы или нет. Но утром на простыне все же валялось несколько раздавленных высохших трупиков.

Пашка, назвав меня неженкой, унесся на учебу, Мама, спросила, нужны ли мне деньги и, получив отрицательный ответ, расцвела от удовольствия, после чего сообщила, что овсянка, сэр, на газовой плите и тоже ушла на работу, оставив меня в одиночестве.

Уныло съев тарелку остывшей каши, я перешел к чайной процедуре. Слава богу, чай был заварен индийский, со словами. В том времени я давно забыл его вкус. То, что продавали в наших магазинах будущего, чаем называть было трудно.

Открыв гардероб начал думать, что одеть. Увы, костюм,

купленный два года назад для походов на танцы, оказался катастрофически мал. Пришлось комбинировать. Оставил брюки от парадного мундира и рубашку, поверх нее одел джемпер. Получилось вроде ничего. Собрав документы в портфель и, положив туда же рабочий комбинезон, завернутый в газету, я отправился в военкомат.

Там меня живо поставили на учет, и как в прошлой жизни нарисовали в военном билете номер ВУСа – командир зенитного орудия. Тогда мне было все равно, поставили номер и хорошо. Да и сейчас, в общем, не очень интересовало. Но все же не преминул спросить, почему мне ставят такую учетную специальность, хотя я за время службы зенитного орудия даже не видел.

В ответ, женщина, сидевшая за окошечком недовольно сообщила, что это не мое дело, начальство лучше знает. Ну, лучше, так лучше, у меня даже мысли не было доискиваться истины и, я отправился в паспортный стол. Очередь там тоже отсутствовала, как класс, поэтому мои документы сразу приняли и пообещали через три дня выдать новый молоткастый и серпастый.

Перед уходом из дома я тщательно пересчитал свою наличность. По убытию из части в карманах оставалось сорок три рубля. Пять рублей я потратил, и сейчас их оставалось всего тридцать восемь. Ну, что, в нынешнее время – это деньги, прожить месяц на них можно без проблем, и даже не экономить на желудке. Но вот на все остальные планы, явно

не хватало.

Конечно, мама призналась, что скопила энную сумму к моему приезду, какую, правда, не уточнила. Но на женитьбу сына она точно не рассчитывала.

Поэтому я сел в троллейбус и отправился за деньгами на плодоовощную базу, на которой в прошлой жизни не раз разгружал вагоны.

Взятый на удачу комбинезон, пригодился. Буквально перед моим появлением на базу доставили вагон с вином. Сейчас рядом с ним было не протолкнуться, все местные алкаши, желали попасть в грузчики, чего в обычные дни не бывало.

Пользуясь послезнанием, я подошел к толстой тетке, распорядившейся приемкой.

– Наталья Ивановна, обратился я к ней, – возьмете студента на разгрузку?

Приемщица зорким глазом отметила мою чистую одежду и аккуратную короткую стрижку.

– Паспорт с собой? – спросила она.

– Нет, отдан на прописку, вот военный билет есть, – сообщил я, протягивая военник.

Тетка коротко, для проформы, глянула в него и отдала назад.

– Оплата, как всегда, сразу после выгрузки, на руки, – сказала она и кивком отправила меня к собранной бригаде. Четверо крепких парней без особого удовольствия встрети-

ли мое появление. Конечно, восемьдесят рублей, деленное на пять человек совсем не то, что деленное на четыре.

– Откуда ты такой проныра взялся, – недовольно сказал невысокий крепыш, остальные промолчали, и правильно сделали. Наталья Ивановна была хорошо известна своим вздорным характером и могла в случае чего быстро найти нам замену.

Вообще, от такой работы мой организм явно отвык. Через три часа непрерывной носки ящичков меня стало слегка покачивать. Тем более что битых бутылок с вином хватало, и в вагоне стояло густое амбре, какое только может быть от красного вермута.

Мы таскали ящики из вагона по помосту в грузовик, а с обеих сторон помоста плотными рядами стояли алкаши, умолявшие кинуть им разбитую бутылку с остатками вина. Мент, охранявший ящики от покушения алкоголиков, уже сложил несколько бутылок в свою сумку и был настроен благодушно, бичей не колотил, но, тем не менее, оттаскивал за шкурки самых активных. В короткие перерывы, когда грузовик уезжал на склад, мы садились на ящики в вагоне, и болтали о всякой ерунде, изредка парни прикладывались к бутылке, но без фанатизма, Я не пил, а, вытянув ноги и расслабившись, пытался отдохнуть. Но все когда-нибудь заканчивается, так закончились ящики в вагоне.

К вечеру я стал богаче на шестнадцать рублей и с сознанием выполненного долга отправился домой, перед этим посе-

тив, гастроном и договорившись с парнями о работе на завтра. За день они сменили гнев на милость, убедившись, что я не сачкую и работаю с ними наравне, так, что расстались мы, если не друзьями, то хорошими знакомыми.

Дома меня уже заждались, тем более что у нас были гости. Мамина подруга явилась посмотреть на бойца, вернувшегося из армии, но пришла она не одна, ее дочка, Наташа, Пашкина однокурсница и бывшая одноклассница также явилась, не запылилась. Паша крутился вокруг нее, как бойцовый петух вокруг кур на птичьем дворе. Но я то сразу понял, в чем дело.

Маман пустила в ход тяжелую артиллерию.

Синельниковы жили в соседнем подъезде, поэтому Наташку я знал с раннего детства. Никогда не понимал, чем уж я так ей понравился, но летом во дворе она всегда таскалась за мной хвостиком и лишь классе в шестом перестала меня преследовать, и играла с девчонками, но и тогда ухитрялась наблюдать за мной печальными светло-голубыми глазами. Очень хорошо запомнился мне Новогодний вечер в десятом классе. Восьмиклассникам разрешили его праздновать с нами. И, как только объявили белый танец, Наташка подлетела ко мне.

Что тогда на меня нашло, не знаю. Забыв об одноклассницах, я танцевал с ней весь вечер, а потом мы еще час торчали в ее подъезде и целовались. Набравшись смелости, я храбро расстегнул ей пальто и рукой залез под блузку, в чем

мне совершенно не препятствовали, даже поворачивались, чтобы удобней было расстегивать пуговицы. А когда добрался до цели и обнаружил под плотным бюстгалтером крохотные холмики, Наташка смущенно призналась, что стесняется своей маленькой груди, то начал горячо уверять, что грудки у нее очень даже хорошенькие, особенно на ощупь, и они, однозначно, еще вырастут.

На следующий день приятели меня раскритиковали, заметив, что у Наташки нет ни сиськи, ни письки, поэтому стыдно ходить с такой плоскодонкой, когда у нас в классе имеется целая плеяда выдающихся сисек. На мои робкие возражения, что кое-какие сисечки у Наташки имеются, друзья скептически посмеялись. На этом мои похождения с Синельниковой завершились. Хотя в школе я иногда замечал тоскливые взгляды белокурой девушки, бросаемые на меня, но делал вид, что ничего не вижу.

Мама, не была бы мамой, если не заметила интерес соседской девочки к своему сыну. Поэтому, когда я, уже после школы, расставался с очередной пассией, она заводила старую песенку:

– Саша, обрати внимание на Наташу Синельникову, такая хорошая девочка, отличница, красавица. Мама, у нее очень приятная женщина, а папа работает в Совете Министров.

Когда я зашел в комнату, все уже сидели за столом и пили чай с эклерами. Наташа сидела напротив двери и приветливо улыбнулась мне.

Мда, сейчас бы никто из моих школьных друзей не сказал плохого слова об ее фигуре. Все было в наличии. Особенно грудь третьего размера, казавшаяся еще больше из-за тонкой талии. Недаром Пашка подпрыгивал петухом, а при моем появлении скорчил недовольную гримасу. Он тоже прекрасно понимал, из-за кого появилась Наташка. Но, зная, о моей предполагаемой женитьбе, распушил перья в надежде на лучшее.

Увы, я то понимал, что ему ничего не обломится. В той жизни Наташа вышла замуж за другого однокурсника. Работали мы в одной больнице, поэтому я знал, что у них в семье все отлично.

– Соблаговолил придти, наконец, гулена, – упреками встретила меня мама.

– Добрый вечер, Лидия Дмитриевна, добрый вечер Наташа, – устало поздоровался я с гостями.

Вообще, больше всего на свете мне хотелось помыться и нырнуть в постель. Но меня ожидало еще одно запланированное дело, изгнание клопов и незапланированное, разговор с гостями.

– Добрый вечер, Сашок, – ласково пропела Лидия Дмитриевна. – А ты повзрослел, возмужал, копия отец.

При этих словах мама нахмурилась, впрочем, заметил это только я, и спросила:

– Ты чем сегодня занимался? На тебе как будто пахали целый день.

– Да, так, поработать немного пришлось, – туманно объяснил я и, извинившись, ушел в ванную комнату, привести себя в порядок.

Когда снова вышел к гостям, мама и ее подруга сидели вдвоем за столом, немного покрасневшись и оживленно беседуя, стоявшая на столе полупустая бутылка «Рябины на коньяке» явно была виновницей этого события.

Из нашей комнаты тоже были слышны голоса, Паша и Наташка обсуждали преподавателя микробиологии и перспективы сдачи зачета.

Лидия Дмитриевна сочувственно посмотрела на меня.

– Присаживайся, Саша, посиди с нами, со старухами, может, расскажешь, как ты дошел до такого решения жениться в двадцать лет, – ехидно спросила она.

– Ох, Лида, что с ним говорить, он весь в отца, упрямый, как бык, что втемяшилось в башку, ничем не вышибить, – горестно вздохнула мама.

Я присел за стол и, не спрашивая разрешения, налил до краев пустые рюмки, не забыв и себя.

– Раз уж мы собрались в такой кампании, давайте выпьем за окончание моей армейской службы и скорое начало семейной жизни, – сказал я, поднимая рюмку.

– Ты это видишь? Ну, как с ним разговаривать!? – воскликнула мама. – Талдычишь, талдычишь, а ему, как об стенку горох.

– Клара, не обращай внимания, это у них возраст такой,

гормоны бушуют, – снисходительно махнула рукой Лидия Дмитриевна.

– Конечно, тебе то что, не твой сын женится, – обиженно буркнула мама.

Ее подруга помрачнела и одним глотком выпила рюмку наливки.

– Ты, Кларочка, не в курсе, – сказала она и, покосившись на меня, продолжила. – Саша, иди к ребятам, нечего наши разговоры слушать.

Я, взяв здоровенный бутерброд с колбасой, отправился в нашу комнату. Что собиралась рассказать Лидия Дмитриевна, для меня секретом не было. Именно в это время ее сынок, собрался жениться на женщине старше его на восемь лет, да еще с ребенком. Так, что темы для разговоров у подруг на сегодня имелись в достатке.

Зайдя в нашу комнату, я обнаружил, что сладкая парочка увлеченно листает конспекты.

– Смотрите почти, как в кино, операция Ы, сюжет номер два, только пока еще одетые, – съехидничал я.

При моем появлении Наташка отсела подальше от Паши, несмотря, на то, что и до этого находилась на пионерском расстоянии.

Она отложила тетрадь в сторону и без колебаний спросила:

– Саша, ты, действительно, жениться решил?

Сейчас ее взгляд уже был совсем не тот, что два года на-

зад. А в вопросе звучал легкий интерес и не более того.

Я про себя подумал:

– Да, похоже, любовь прошла, завяли помидоры. Мама опоздала со своим приглашением. Для Наташи два года учебы даром не прошли. У нее теперь другие проблемы.

И уже вслух ответил:

– Серьезно, Наташ, как получу паспорт сразу уеду.

– Ну, а дальше то, что, ты учиться думаешь, или нет? – не успокаивалась настырная девица.

– Думаю, – усмехнулся я. – Пойду учиться в торгово-кулинарное училище.

Мои слушатели несколько мгновений молча смотрели на меня, а потом засмеялись. Не поверили.

– Да, хорошо, что до Хазанова с его студентом кулинарного техникума еще года три, – подумал я. – Так бы смеялись еще дольше.

В общем, ребята так и не приняли мои слова всерьез, решили, что просто не хочу говорить, чтобы не сглазить.

Когда гости ушли, время было около девяти часов вечера.

Я сразу скомандовал Пашке отодвигать мебель от стен. На шум прибежала мама, после нескольких рюмок Рябины на коньяке, она была полна энергии. Узнав, что мы собираемся делать, тут же начала командовать вместо меня.

– Ну, куда вы, полоротые, диван тащите? Вы весь пол поцарапаете! Саша, осторожнее, не урони гардероб!

Вскоре мебель была отодвинута от стен, и вроде не очень

шумно. По крайней мере, соседи к нам возмущаться не приходили.

– Кто тут вчера орал, что клопов у нас нет? – победно воскликнул я, когда на стенах, скрытых раньше мебелью, стали видны клопиные следы.

Налив в пульверизатор дихлофос вместо одеколona я начал обрабатывать все подозрительные места. Возились мы почти до двенадцати часов. Но зато когда все убрали и легли спать, моя нежная кожа не испытала больше ни одного укуса.

Следующие три дня я зарабатывал деньги на плодоовощной базе, Искал подходящую комнату для нас Людой в частном секторе и пытался выцыганить деньги, приготовленные мамой для меня. Та, узнав о женитьбе, уперлась и не хотела расставаться с накоплениями, считая, что я их потрачу зря. В конце концов, к консенсусу мы с ней пришли, двести рублей она дает в долг с отдачей в течение года. А с квартирой неожиданно повезло. Возвращаясь, домой после работы почти в одиннадцать вечера в полупустом троллейбусе, я встретил бывшего одноклассника Толю Гусева. Ехать надо было довольно долго, и мы успели о многом поговорить. Когда я начал жаловаться, что не получается найти комнату, чтобы было дешево и прилично, он тут же сообщил, что его бабушка спит и видит, как бы сдать комнатку на чердаке.

Следующим днем я зашел по указанному адресу и, вполне довольный увиденным дал бабуле в задаток десять рублей.

Еще через день я получил паспорт, вечером собрал свои

шмотки, а утром попрощался с родными и отбыл снова в Вытегру.

Свадьба и проблемы вокруг нее

Несмотря на раннее утро, на улице уже стояла жара. Я прекрасно знал, что она простоит до сентября. Зато люди вокруг об этом не подозревали и во всю наслаждались неожиданным теплом в конце мая.

Мне радоваться не хотелось. Предстоящие двести километров по пылящей грунтовке не настраивали на бодрый лад.

– Радуйтесь, радуйтесь, – бурчал я про себя, – скоро дождя просить начнете, а его почти до конца сентября не будет.

Народа в автобус набилось битком. Водитель брал всех подряд с билетами и без оных.

Ехать в тесноте пришлось до Ленинградской области. Там в Вознесенье вышла почти половина пассажиров, поэтому оставшиеся вздохнули свободней. Но от вездесущей пыли спасения все равно не было до самой Вытегры. В отличие от предыдущей поездки, ко мне никто не приставал. Наверно, из-за жары пассажирам было не до любопытства, все сидели молча, обмахиваясь, кто газетой, кто журналом.

Зато, когда вышел из автобуса на Вытегорском автовокзале, даже теплый ветерок показался прохладным.

Помахивая чемоданом, я отправился по уже знакомому маршруту.

На мой стук дверь сразу открылась. Оттуда выглянула

невысокая, круглолицая, симпатичная женщина, нисколько не похожая на Люду.

Она, отряхивая руки от муки, вопросительно глянула на меня.

– Здравствуйте, Галина Михайловна, будущего зятя примете? – улыбнулся я.

– Ты Саша? – неуверенно спросила она.

Я кивнул, и будущая теща резко засуетилась.

– Ой, да что же мы в дверях стоим, проходи скорей в дом, сынок.

Она пропустила меня в коридор и зашла следом.

– Сашенька, ты, наверно, устал с дороги, присядь, отдохни, а я как раз с пирогами закончу, – сообщила она и торопливо загремела противнями.

Пока я сидел на диване, Галина Михайловна расспрашивала меня о родителях, о службе в армии. Чувствовалось, что дочь ее в неведении не держала. Однако, о планах на будущее, о предполагаемой свадьбе вопросов не задавала.

– Сглазить, что ли боится, – даже подумал я в один момент.

Отвечая на многочисленные вопросы будущей тещи, я критически смотрел на ее суету.

– Мда, как-то нерационально она использует противни, – скептически подумал я. – Да, и начинку делает неправильно. И тесто, похоже, перекисло.

Конечно, мне хватило ума свои соображения держать при

себе. Это с мамой, за несколько дней, что я провел дома, мы успели несколько раз поругаться, по поводу готовки. Ей то я говорил откровенно, что думаю по поводу того, или иного блюда. Кончилось это тем, что мне было предложено самому заняться варкой и жаркой, что я, и делал последние два дня до отъезда.

Через некоторое время меня накормили пирожками с капустой и рыбником с сигом. На вкус они оказались неплохими, хотя до моих явно не дотягивали.

Узнав, что Люда придет только около девяти вечера, а Николай Васильевич в шесть, я решил пройтись по городку до районной больницы, где она дежурила.

Народа в рабочий день на улицах было маловато. Но на меня никто внимания не обращал. Все же город, не деревня, где все приезжие на виду.

Двухэтажное здание больницы заметно было издалека. Около ее гаража, стояли три медицинских узика-буханки с открытыми настежь дверями. Водители, сидя в тени, увлеченно играли в карты за самодельным деревянным столиком и матерились через слово.

Я поздоровался и спросил:

– Мужики, как на скорую пройти.

Водители оторвались от карт и уставились на меня.

– А чо, тебе там надо? – спросил, на вид, самый молодой из них.

– Мне бы Люду Струнину увидеть. – сказал я.

Двое из водителей засмеялись.

– Ты же Степик хвастал, что всех Людкиных кавалеров разогнал, – обращаясь к молодому, сказал один из них. Затем повернулся ко мне и пояснил:

– Видишь ту дверь зеленую, туда заход, Людмила Николаевна сейчас там с больным разбирается, Генку Шарапова только что привезли, тяжелый, зараза, кил сто весит, если не больше.

Я поблагодарил и направился к двери, а за спиной водители продолжали смеяться.

– Хм, оказывается, здесь у меня соперники были и не один. Наверно Людке пора памятник ставить, раз меня дождалась, – размышлял я по дороге.

В кабинете никого не оказалось. Зато из-за двери с надписью перевязочная доносились стоны.

Я не утерпел и заглянул туда. В кабинете на кушетке беспокойно лежал голый по пояс багроволицый мужчина, он периодически охал, держась рукой за левый бок. Пожилая санитарка сидела в углу на стуле, ожидая распоряжений. А у столика с инструментами возилась Люда.

Увидев меня, она радостно улыбнулась, но, почти сразу махнула рукой, чтобы я вышел.

Выйдя в пустой кабинет, я уселся у подоконника и начал любоваться видом из окна... Люда появилась из перевязочной минут десять спустя.

– Не понимаю, что с больным, – пожаловалась она. – По-

звонили час назад, сказали, мужчина в магазине упал и кричит от боли, за бок держится. Мы его сюда привезли, я анальгин с димедролом сделала, а боли не проходят. А ему все хуже, сегодня день такой заполошный, один хирург в Подпорожье уехал на конференцию, а второго никак найти не можем. Изольда Витальевна, наш терапевт приходила, ЭКГ сняла, сказала моего ничего нет, ищите хирурга.

А где его искать, понятия не имею. Сейчас промедол больному сделала, может тот снимет боли?

– Люда, можно мне посмотреть больного, – спросил я.

Зачем? – удивилась та.

– Ну, ты же знаешь, мама у меня врач, видел я всякого, может, что в голову придет.

Утопающий, как говорится, хватается за соломинку, Люда согласилась.

Я, одев халат и взяв фонендоскоп, зашел в перевязочную. Лишь только глянул на выбухающие межреберные промежутки слева, все стало ясно.

Но все же проверил себя, выслушав и проперкутировав легкие.

Сомнений не было у больного напряженный пневмоторакс. Как он его заработал, было не очень понятно, синяков и прочих следов травм я не обнаружил.

На всякий случай спросил, работает ли рентген, но получил ответ, что уже полгода, как тот сломался, а денег на ремонт нет.

- Люда, у вас хотя бы аппарат Боброва есть? – спросил я.
- Где-то был – ответила Люда, – А зачем он тебе?
- Увидишь, – сообщил я.

Несколько минут Люда с санитаркой лазили по шкафам, но все же отыскивали аппарат, представляющий собой банку с крышкой.

Я вел себя так уверенно, что Люда выполняла мои распоряжения безропотно.

Заменив клапан в банке на новый, вырезанный из резиновой перчатки, я взял стерильную резиновую трубку и троакар с канюлей.

Под невинным предлогом попросил Люду куда-нибудь отослать санитарку. После всех приготовлений Люда все еще не понимала, что я хочу делать. Но когда она увидела, что я заставил больного сесть и вогнал ему в бок толстую иглу, подсоединенную к трубке, то невольно охнула.

Сразу после этого в банке, наполненной водой до половины, в такт дыханию появились обильные пузыри воздуха. Через минуту больной порозовел, а еще через несколько блаженно растянулся на кушетке.

– Кайф! – выдохнул он. – Ни х... не болит. Зае...ь, Спасибо доктор. – он с чувством поблагодарил меня после чего почти сразу заснул.

Еще бы, чего не заснуть после анальгетиков и двух кубиков промедола. Везет нынешним медикам, можно спокойно делать наркотики больным, без риска загреметь лет на два-

дцать в лагеря.

– Ну, как-то так, сказал я скромно. – Принимайте работу. Напряженный пневмоторакс купирован. Можно больного принимать в хирургическое отделение, когда хирурга найдут, пусть думает, что с ним дальше делать.

Когда мы вышли из перевязочного кабинета, Люда сразу начала меня ругать сердитым шепотом:

– Саша, ты меня так напугал, думала, умру, когда ты больному троакар поставил. Почему-то я считала, что по нему кровь из легкого струей пойдет. Как вообще ты догадался, что случилось с больным? Знала бы, что ты собираешься делать, ни за что бы не согласилась. Фуу... до сих пор не могу себя придти. Всю трясет.

– Я же в это время думал о ином. О том, что в это время можно спасти больного и не сесть после этого в тюрьму, или не получить от него миллионный иск за потерю здоровья. В том времени, откуда я появился, мне бы даже в голову не пришла идея заниматься лечением пневмоторакса без соответствующей лицензии. А здесь никому до этого дела нет.

Мы не успели поговорить и несколько минут, как в кабинет зашел молодой мужчина лет тридцати и недовольно спросил:

– Людмила Николаевна, что тут у вас стряслось. Изольда Витальевна кричала в трубку, что я пропал, а меня по всему городу ищут. Я же записку оставлял, что огород буду копать. Чего сложного было меня найти?

– Никакой записки у нас под стеклом нет, Игорь Иванович, можете сами посмотреть, – ответила Люда.

Доктор, а это явно был хирург, глянул бумажки, убранные под стекло, лежащее на столе и, не обнаружив своей записки, недоуменно пожал плечами и распахнул дверь в перевязочную.

– Вижу, вы тут без меня успели разобраться, – заметил он, разглядывая спящего больного и пузырьки, все еще появляющиеся в банке с водой. – Неужели Изольда пунктировала? Она же трусиха страшная.

Я легонько дотронулся до плеча девушки.

Та правильно поняла мой намек.

– Я сама пунктировала, Игорь Иванович. Все, как в учебнике пропедевтики написано. У мужчины развился выраженный болевой синдром на фоне напряженного пневмоторакса, ничем снять не могли, даже промедолом. Поэтому и ждать вас не стали.

– Понятно, – задумчиво сказал хирург. – Ладно, понаблюдаем до завтра и отправим с утра в Подпорожье на рентген, надо посмотреть, как легкое расправляется, да и диагноз уточнить. А ты Люда, молодец, все грамотно сделала.

Тут он обратил внимание на меня.

– А что тут делает незнакомый, молодой человек в медицинском халате?

Люда покраснела.

– Это мой жених, он только сегодня приехал. Вот пришел

посмотреть, где я работаю.

Хирург улыбнулся.

– Ясненько, ну, ладно, сидите, воркуйте, голубки, – сказал он ехидно и ушел в отделение.

До восьми вечера больше вызовов не случилось. Где-то в половину восьмого на работу в ночь пришла сменщица, полная пожилая женщина. Она тоже оглядывала меня сверкающими от любопытства глазами, но особых вопросов при мне не задавала.

Когда мы вышли из дверей больницы, жара уже спала. Ветра практически не было, только легкий комариный звон нарушал вечернюю тишину.

Санитарные машины уже были поставлены в гараж, лишь одна машина скорой помощи оставалась у крыльца.

Ее водитель, Степик, как его называли коллеги, сидел на скамеечке у входа и задумчиво курил.

Увидев нас, он резко вскочил и подошел ко мне, поглядывая по сторонам.

Подойдя вплотную, он тихо предупредил:

– Длинный, не знаю, откуда ты взялся, но если будешь во-круг Людки ходить, я тебя урою.

Мне от слов тощего паренька, почти на голову ниже меня, стало смешно. В большей степени из-за того, что моя будущая жена была немалого роста, почти сто восемьдесят сантиметров, я и то был немногим выше. А этот Степик, наверно, доставал ей чуть выше плеча. Оказывается, не мне одно-

му нравятся высокие женщины.

Люда не слышала, что водитель мне сказал, потому, все еще беседовала через дверь с напарницей. Но, увидев, как мы разговариваем, сразу закричала, сбегая с крыльца.

– Степан, ты, что опять хочешь драку устроить. Смотри, на этот раз я молчать не стану, сразу вылетишь с работы.

– Да, я чо, я ни чо, я б... на х... только познакомиться с новым человеком, хотел, кстати, кем он тебе приходится? – неуклюже оправдываясь, спросил водитель у Люды, выкинув окурок на землю.

– Муж, это мой, понял!? – гордо сообщила девушка и, взяв меня под руку, направилась в сторону дома, увлекая меня за собой.

– Наконец, смена закончилась, – сообщила Люда немного погодя. – Еле дождалась. Никогда еще время так не тянулось. Санчик мой, я такая счастливая, Ты просто не представляешь!

А я и не представлял. Шагая рядом с любимой, девушкой, злился на себя. Хотя, что злится то? Ну, не может быть у личности семидесяти лет эмоций, как у двадцатилетнего, даже если она заперта в молодом теле. Хотя гормоны действительно бушевали.

Поэтому, как только мы свернули в проулок, ведущий к дому, то сразу начали целоваться.

– А помнишь, наш мостик на Неглинке, – спросила Люда, наконец, отстранившись от меня. – Мы там так же целова-

лись.

– Конечно, – ответил я. – Приедем в Петрозаводск, обязательно повторим.

Рассмеявшись, мы в обнимку продолжили наш путь.

В доме ярко светились все окна. Нас явно заждались.

Хлебом солью меня не встретили, но уже в коридоре начали обнимать. Особенно старался будущий тесть. Наверно, смерти моей хотел. Увидев его, я понял в кого Люда такая высокая. Никогда не считал себя маленьким, но рядом с Николаем Васильевичем мои сто восемьдесят пять сантиметров не котировались. Огромная глыба двухметрового роста, вот как он мне представлялся.

Тесть тоже с интересом меня разглядывал.

– Ну, что с виду парень крепкий, – выдал он, наконец, свое суждение, хотел добавить еще кое-что, но был прерван супругой.

– Коля, не задерживай человека в дверях. Видишь парень, стесняется, а ты тут силой мериться начал. Лучше бы в комнату пригласил, у меня уже все готово.

Действительно, стол уже был накрыт. Видимо, Галина Михайловна после того, как я ушел, время зря не тратила и провела его с пользой на кухне.

Среди полных хрустальных салатниц, тарелок с пирогами и котлетами одиноко возвышалась бутылка шампанского.

Люда убежала переодеваться, а я присел за стол в компании Николая Васильевича, Галина Михайловна скрылась в

той же комнате, что и Люда.

Будущий тесть наклонился, сунул руку под стол и вытащил оттуда початую бутылку водки. Посмотрел на меня и, приложив палец к губам, разлил ее по двум стограммовым стаканчикам. Бутылку снова убрал под стол.

После этого наколол себе соленый огурец на вилку и, шепотом сказав:

– За встречу! – Одним махом кинул сто грамм себе рот.

Ну, что мне было делать? Не отказываться же от первой рюмки.

Вот только я не стал брать огурец, а наколол вилкой крепенький, соленый груздочек, махнул сто грамм, а потом аппетитно захрустел грибочком.

На голодный желудок водка сразу ударила в голову. Николай Васильевич, по-моему, уже причастился до нашего прихода и был не в меру словообилен.

В это время в комнате, где переодевалась Люда, шел следующий диалог.

– Люда, я думаю, что постелю вам с Сашей в Витькиной комнате. А мы с отцом ляжем на кухне, чтобы вас не стеснять. Дело то молодое, – предложила Галина Михайловна.

– Мама, как ты можешь такое предлагать, – зарделась дочь. – Постелешь нам вместе после свадьбы.

– Дурочку то из меня не делай, – сообщила мама. – Это ты отцу можешь сказки рассказывать, а меня не проведешь. Думаешь, не знаю, чем вы тут неделю назад занимались, вся

комната малофьей провоняла, и простыни я тоже считать умею.

От этих слов дочь покраснела еще больше и стыдливо опустила глаза.

Они еще немного пошептались о своем, о женском и, хихикая, вместе вышли в большую комнату.

Галине Михайловне хватило одного взгляда, чтобы оценить диспозицию.

– Напоил, как есть, напоил парня! Коля, я же тебе говорила, не доставай водку. – С упреком сказала она мужу, пока тот удивленно таращился на нее.

– А что тут пить? – сказал он, показывая на две пустые бутылки. – Для настоящих мужиков, это как два пальца об асфальт.

Все еще проблемы

Да, наверно я зря поддался на провокацию Николая Васильевича. Совсем вылетело из головы, что нынешнее мое тело совсем не то, что давешнее. Там с весом 110 килограмм, можно было составить ему достойную конкуренцию.

А здесь пришлось позорно слиться уже во втором раунде. После второй стопки, в голове зашумело еще сильнее, и окружающее начало расплываться в глазах. Остатков соображения, впрочем, хватило, чтобы отказаться от очередной стопки.

Будущий тесть и не настаивал. Пробормотав что-то вроде того, что слабая молодежь нынче пошла, зато ему больше достанется, он успел выпить еще пару стопок, прикончив вторую бутылку. Стол одной стороной был придвинут к стене, и когда я под него глянул, то обнаружил, вдоль стены выстроились еще три непечатых бутылки Столичной.

– Надо срочно, что-то сожрать, иначе засну, – подумал я и потянулся к тарелке с котлетами.

Именно в этот момент из комнаты вышли мама с дочкой, наивно оставившие меня на попечении своего мужа и отца.

Галина Михайловна что-то громко сказала, но мой мозг уже не очень понимал, о чем это она. Положив на тарелку гору оливье и три котлеты, я усиленно работал ложкой.

После того, как очистил полную тарелку от салата с кот-

летами, Галина Михайловна заботливо положила в нее большой кусман студня, от которого так несло свежим чесноком, что в моей голове произошло некоторое прояснение. И я стал более нормально воспринимать окружающее. По крайней мере, понял, что рядом со мной сидит Люда в очень плохом настроении.

– Людочка, – обратившись к ней, сказал я заплетающимся языком. – Не сердись, так получилось. Налей мне кофе, пожалуйста.

Та хотела, было встать, но вмешалась теща.

– Сиди, сиди, – забеспокоилась она. – Я сама кофейку, сгоношу.

– Ух, ирод, бестолковый! – выхватила она из рук мужа очередную бутылку. – Хватит водку жрать.

– Не любят меня здесь, – вздохнул Николай Васильевич и, поднявшись, направился в другую комнату, задевая при-толоку.

– Слава богу, Если ляжет, то до утра не проснется, – облегченно вздохнула его жена. – Завтра рабочий день, пусть отдыхает.

После кружки кофе в глазах еще больше прояснело, и наша беседа приняла осмысленный вид.

Галина Михайловна сообщила, что взяла на работе отгул, чтобы завтра сходить со мной в паспортный стол, мало ли какие там возникнут проблемы с пропиской, она все-таки ответственный квартирьер.

– Саша, пропишут то тебя быстро, – вкрадчиво начала она. – А вот регистрацию брака после заявления в ЗАГС надо будет месяц ждать. Люда уже сказала, что вы собираетесь уехать в Петрозаводск, А целый месяц ты, чем заниматься будешь?

– Мама! Как тебе не стыдно! – воскликнула Люда. – Саша всего несколько дней, как из армии вернулся, а ты его уже работать отправляешь.

– Люда, успокойся, – я ласково прижал девушку к себе. – Мама все правильно говорит. Деньги никогда лишними не бывают, я так и планировал этот месяц работать. И даже знаю кем.

– И кем? – обе собеседницы вопросительно глядели на меня.

– Санитаром на скорой помощи, – улыбнулся я. – Люд, ты сама недавно жаловалась, что дураков нет идти в санитары на семьдесят рублей. А мне на месяц, самое то. С тобой и будем дежурить.

Люда явно обрадовалась после моих слов.

– Саша, ты здорово придумал, я уже полгода одна с водителем езжу. Если тяжелого больного надо нести, приходится кого-нибудь искать.

Галина Михайловна обрадованной не выглядела.

– Наверняка, у нее были свои планы на наше будущее. – догадался я.

Моя догадка вскоре подтвердилась.

– А у нас в РайПО, – сказала та нейтральным голосом. – Скоро освободится ставка водителя на машину хлеб развозить. Петрович в сентябре на пенсию уходит, а в автошколе, как раз идет набор на учебу на категорию Б и Ц. Я с председателем РайПО в очень хороших отношениях и с ДОСААФ тоже... – И она многозначительно замолкла.

Люда сразу поддалась на провокацию.

– Саша, а может, ты пойдешь учиться на водителя? разве плохо права получить? И никуда не надо будет ехать. Мы пока здесь с родителями поживем, а мне через год-два главный врач обещал комнату в общежитии.

Услышав предложение Галины Михайловны, я даже немного протрезвел.

– Хм, вообще неплохо права получить, вот только оставаться жить с Людкиными родителями себе дороже. Такая теща все мозги выест заботой, а тесть с бутылки каждый день будет начинать. А главное никаких перспектив. Нет уж, на хер, на хер.

– А знаете, Галина Михайловна, мне ваше предложение нравится, ну, плане учебы на водителя. Когда вы говорите, учеба должна начаться? – спросил я.

– Вроде бы с пятого июня, – неуверенно ответила та. Не ожидала Галина Михайловна моего быстрого согласия. Ну, а я прикинул, чтобы время зря не терять, можно и учиться в автошколе. Главное, чтобы денег хватило на все. Мне тут несчастному попаданцу, пока ни одной плюшки не прилете-

ло. Все сам, да сам. Вагоны разгружай, если денег хочешь.

Мы с разговорами посидели еще часик, выпили бутылку шампанского под мерный храп Николая Васильевича и стали собираться ко сну.

– Я вам в Витиной комнате постель застелила, – как бы между делом сказала Галина Михайловна. Люда при этих словах густо покраснела. Мне тоже стало неловко.

– А что, дело молодое, вы только дверь плотней прикройте, – посоветовала теща и с горой подушек направилась в дальнюю комнату.

– Ты иди, ложись, – шепнула Люда. – Я позже приду, помогу маме убираться, да посуду перемыть.

Посетив укромное заведение, я отправился в нашу спальню. Та представляла собой маленькую комнатку, вмещающую в себя кровать и небольшой столик с книжными полками над ним. Все стены были заклеены черно-белыми фотографиями культуристов, Биттлз, и прочих музыкантов. Видимо, брат Люды был довольно продвинутым пацаном в Вытегре. Меня же черно-белые десятки копии с копий не впечатлили. До цветных плакатов Бони М и других звезд оставалось еще много времени.

Кровать уже была застелена. Раздевшись, я уселся на нее и пружины моментально отозвались громким скрипом.

– Оказывается, у моей будущей тещи, извращенное чувство юмора, – подумал я. – Да нас с улицы будет слышно, не то, что в доме. Придется перебазироваться на пол, там, по

крайней мере, доски не скрипят.

Когда Люда зашла в комнату, я сразу прошептал:

– Осторожней, не запнись, я на полу лежу.

Между стеной и кроватью места было не очень много, но для нас двоих вполне хватало. Так, что постельное белье вместе с матрасом перебазировалось туда.

– Ты зачем на пол улегся? – также тихо спросила Люда.

– А тебе не понятно?

– Понятно, – хихикнула она и зашуршала сорочкой.

Под одеяло ко мне она залезла уже обнаженной.

Ласковые слова привычно слетали с моих губ, я даже не задумывался над ними, за многие годы семейной жизни это вошло в кровь и плоть. Так же, как остался выработанный рефлекс не называть женщину в кровати по имени. «Любимая, моя хорошая, единственная, ласточка, птичка», но только не имя. Всегда есть риск назвать не то. А зачем портить настроение любимой женщине. Тем более, сама Люда в порыве страсти меня ни разу не назвала, ни Сережей, ни Петей и никаким левым Васей.

Да молодость, есть молодость. Заснули мы уже под утро. Никто нас специально не будил, но, когда Николай Иванович начал собираться на работу, пришлось вставать и нам.

– Тесть, несмотря на две вчерашние бутылки, был свеж, как огурец. Побритый, помытый он сидел за столом и весело приветствовал наше появление:

– Ого! Вот и молодежь подтянулась. Как ночевали? Когда мне внука ожидать?

– Тьфу, на тебя старый! Язык твой без костей! – воскликнула Галина Михайловна.

Вообще то, тесть был совсем не старый, сорок два года разве это возраст?

– Санек, – уже серьезно он обратился ко мне. – Слышал, ты до армии токарем работал, может, к нам на судоремонтный завод пойдешь, токарей у нас не хватает, если на сделку сядешь, двести рублей будешь в месяц иметь. Я, конечно, как сварщик, больше зарабатываю, но и стаж у меня о-го-го.

Да, насели будущие родственники со всех сторон, так им хочется меня при себе оставить, – подумал я, и тут мне пришла в голову одна идея.

– Николай Васильевич, думаю, время еще есть, сходим с вами на завод, посмотрю, что да как. Хотел спросить, а мангал вы сможете сварить на работе?

Тесть горделиво улыбнулся.

– Струнин сварит все, что сваривается, и твой мандал тоже, А что это за херотень и на кой х... она нужна?

Спросив у Люды тетрадный листок, я нарисовал чертеж мангала и коптилки на ножках и отдал листок тестю с пояснениями для чего все это нужно.

Николай Васильевич уточнил, какой толщины нужно железо и, услышав ответ, сообщил:

– Сделаю, не вопрос. Сегодня вряд ли получится, а завтра

к вечеру будут готовы. У нас обрезков такого размера, как грязи, даже у кладовщика просить ничего не надо.

Обговорив все вопросы, я приступил к завтраку. После ночных затрат, есть хотелось не по-детски.

Хоть Галина Михайловна и сказала, что на сегодня взяла отгул, оказалось, что без своей пекарни она не может прожить и дня. Поэтому нам придется перед походом в паспортный стол, зайти к ней на работу, чтобы проверить, как там идут дела без заведующей.

Люда, слушая нашу беседу, вдруг заявила, что одна дома оставаться не хочет, ей скучно, поэтому она идет с нами.

В связи с этим наш выход задержался на час. Для меня это было вполне привычно. Зато Галина Михайловна поглядывала в мою сторону с удивлением, видимо, терпение не входило в достоинства ее мужа.

Все-таки, Вытегра небольшой городок, поэтому дела здесь делаются быстро, даже пешком. В милиции Галине Михайловне пришлось писать заявление на согласие на прописку. Молодая девица в милицейском мундире с сержантскими нашивками поинтересовалась причиной, по которой меня прописывают, узнав, что я женюсь, вопросов больше не задавала. Покончив с приемом документов, она забрала мой паспорт и сообщила:

– Я отнесу документы на регистрацию и подпись, а вас, Александр Владимирович прошу пройти в одиннадцатый кабинет.

– Интересно, что еще им надо, – думал я, шагая по темному коридору.

Открыв дверь в кабинет, я невольно прикрыл глаза рукой, контраст между темным коридором и залитым солнцем кабинетом, был слишком резок.

Убрав руку, я увидел сидящую за столом молодую женщину – капитана милиции. Накрашенные яркой помадой губы приветливо мне улыбнулись. Грудной голос с мурлыкающими нотками спросил:

– Вы, по какому вопросу, молодой человек?

Да, будь на моем месте именно молодой человек, он бы уже начал бекать и мекать при виде черноволосой красавицы.

Но я то, не такой, я заметно старше и на меня такие штуки уже не действуют.

– Девушка из паспортного стола просила зайти к вам, – спокойно сообщил я.

Мурлыкающие нотки из голоса ушли, видимо капитан поняла, что ее чары здесь не работают.

– Да, я провожу беседы с уволенными в запас ребятами, – заметно суше сообщила она. – Вот вы, молодой человек, не хотели бы пойти к нам в милицию? Подумайте, это очень перспективная работа. Мы вас направим на учебу в школу милиции, если вы покажете себя, то может идти вопрос об учебе в высшем учебном заведении притом поступление без конкурса. После двух лет работы возможен перевод в ГАИ.

Как вы на это смотрите?

– А почему вы о досрочной пенсии не сказали? – улыбаясь, спросил я.

Женщина звонко рассмеялась.

– А ты интересный мальчик, – продолжая улыбаться, сказала она. – Смысла нет, о пенсии рассказывать, никому из вас она пока не интересна. Кроме тебя больше никто этим вопросом не задавался. Так понимаю, что в милицию ты не пойдешь?

– Правильно понимаете, – ответил я. Мы распрощались, я отправился к паспортистке за документами.

– Для чего тебя в одиннадцатый кабинет вызывали? – пристали ко мне обе спутницы сразу.

– В милицию звали работать, – вздохнул я.

– Ты согласился?

– Нет.

– Ну и зря, надо было соглашаться, – в один голос заявили мама с дочкой.

– Блин! Да что же это такое! Все хотят за меня решить, куда идти и что делать. А вот хрен вам всем, буду поваром и точка, – думал я, направляясь с Людой в сторону загса.

Галина Михайловна давно нас оставила, умчавшись в свою пекарню, как будто там без нее не справятся.

В загсе никаких неожиданностей не произошло. Скучающая в тесной комнатухе пожилая женщина дала нам бланки заявлений. Подозрительно глянула на меня и, пробормо-

тав:

– Совсем ведь мальчишка, – потребовала паспорта.

– Регистрация брака будет второго июля в 11 часов, прошу не опаздывать. Если вдруг передумаете, прошу сообщить заранее, – сухо сообщила она, отдавая назад паспорта.

Когда мы вышли на улицу, Люда с радостным визгом кинулась мне на шею. Видимо, поцелуюм у дверей загса никто не удивлялся, поэтому на наши объятия никто не обращал внимания.

Закончив с поцелуями, мы отправились в сторону дома.

Я потянул Люду в сторону спальни. Но та покачала головой.

– Мама скоро придет, надо обед разогреть. Можешь переодеться, если хочешь.

– Вот так и обламываются мечты, – подумал я, скидывая в спальне пропотевшую рубашку и одевая свежую. Какая-то несообразность царапнула глаз, когда я посмотрел на себя в зеркало. Глянув внимательней, я понял, что кубики пресса выделяются рельефней, чем было несколько дней назад. Но после того, что случилось со мной, ранее это была такая ерунда, что я даже не заморачивался этим обстоятельством.

Тем не менее, покрасовался еще немного, напрягая мышцы и поворачиваясь в стороны. Еще не так давно смотреть на себя было не очень приятно. А кому приятно на себя смотреть в семьдесят лет?

– Собой любишься? – раздался насмешливый голос Лю-

ды. – Тебе армия на пользу пошла, вон мышцы, какие нарастил.

Она подошла ближе и положила ладонь мне на грудь. Я привлек девушку к себе и начал целовать.

– Ладно, я согласна, пошли скорей, пока мама не пришла, – зашептала она мне в ухо, щекоча его горячим дыханием.

На обед теща так и не появилась, молодец, понимающая женщина. Поэтому мы пообедали без нее, а немного погодя отправились снова в город. Надо было зайти в больницу, в отдел кадров, а также в автошколу, узнать, сколько будет стоить учеба.

В отделе кадров моему визиту особо не обрадовались. В принципе, местная кухня была понятна. Если бы Люды не было рядом, мне просто сказали, что свободных ставок санитаров нет. Но Люда была со мной, и такого при ней говорить было нельзя. Ведь она и ее коллеги катались вдвоем с водителем, а ставки санитаров занимали левые люди.

Поэтому завкадрами отфутболила нас к главному врачу. Дальше я действовал уже из спортивного интереса.

– Люда, не вздумай ему говорить, что собираешься увольняться через месяц. Лучше вообще молчи, говорить буду я, – первым делом пришлось предупредить девушку.

Главный врач сухощавый лысоватый брюнет лет сорока встретил нас приветливо. Усадил за стол и внимательно выслушал.

Он тоже бы с удовольствием послал бы меня в известное место, и если бы знал, что Люда будет увольняться, так бы и сделал. Но не получилось. Пришлось ему, сделав приличное выражение лица, поставить визу на моем заявлении: «Принять на работу».

Поблагодарив, мы отправились обратно к кадровичке. Та удивленно глянула на подпись главнюка после чего взяла у меня паспорт, военный билет и трудовую книжку и приступила к оформлению.

– Саша, ты так внушительно разговаривал с Евгением Федоровичем, что я испугалась, его у нас все боятся, даже главная сестра перед ним на цырлах ходит – уже на улице призналась мне Люда. – Я тоже так хочу научиться.

– Какие твои годы, милая, научишься, – ответил я с улыбкой.

– Не смейся, несчастный! – Люда замолотила меня по спине своими кулачками. – Мы с тобой с одного года.

Мне очень хотелось сказать, что ты, милая, через несколько лет свой возраст, вслух называть не будешь. Но удержался, зачем портить настроение девушке, годы и так бегут очень быстро.

Время подходило к четверем часам, но я решил зайти еще в местный ДОСААФ и уточнить насчет учебы в автошколе.

К моему счастью, группа платников еще не была укомплектована, поэтому я был встречен доброжелательно. От начальника автошколы, видимо бывшего гаишника несло,

как от пивной бочки, но он вполне здраво рассказал, что, когда и как. Оказалось, что учеба стоит сто шестьдесят рублей и продлится ровно пятьдесят дней. На вопрос, можно ли будет иногда пропустить одно два занятия, Петр Ильич оценивающе посмотрел на меня и буркнул:

– Договоримся.

Домой мы возвращались в отличном настроении. Люда, из-за написанного заявления в загс. А я из-за того, что удалось сделать все запланированное. Идти токарем на судоремонтный завод, как предложил тесть, мне было не с руки. Там пришлось бы сразу встать за станок и давать план, а какой из меня участник соцсоревнования, если я забыл даже как включить этот станок, не то, что за ним работать.

– Может мне с тобой сегодня в ночь пойти дежурить, – предложил я Люде пока мы добирались до дома. – Сама же слышала, как в кадрах сказали, что я принят на работу сегодняшним днем.

– Сашка, я тебя просто не узнаю, ты два года назад совсем другим человеком был, – удивленно засмеялась девушка. – Мы за сегодняшний день, где только не побывали. И везде ты, как рыба в воде себя чувствуешь. Может, успокоишься на сегодня? Вечер дома посидишь, телевизор посмотришь. А завтра утром я с дежурства приду, можно будет на пляж пойти, такая жара стоит, в речке вода наверно уже теплая. А с понедельника явишься с утра на работу, тогда тебя в график включат.

– Нет, уж, работать, так работать, – заявил я. – Видишь, на здании плакат висит; «Вперед к победе социалистического труда», вот и будем, как комсомольцы, верные делу Ленина, работать на благо народа с сегодняшнего дня.

Люда, засмеялась.

– Я только сейчас вспомнила, как ты рассказывал, что в школе был комсоргом. У тебя складно получается, лучше, чем у нашей Гальки Сидоркиной. Она, как начнет на собрании заикаться, все сразу засыпают.

Я тоже хмыкнул.

– Так, вы ее наверно выбирали по принципу лишь бы не меня. Вот теперь сидите и спите.

– Так и тебе придется ее слушать, – парировала Люда.

– Не придется, – уверенно ответил я. – Не бывает летом комсомольских собраний. Вот осень придет, из отпусков все вернутся, дел домашних убавится, тогда и начнут их проводить. Нас к этому времени здесь уже не будет.

– Понятно, – грустным голосом сказала девушка. – Ты все же хочешь, чтобы мы уехали?

– Хочу, и сейчас объясню почему, – ответил я.

Почти семейная жизнь

Как-то незаметно моя жизнь в Вытегре вошла в спокойную колею. Ну, не совсем, конечно, а так, относительно.

Утро начиналось с пробежки, соседи уже к ней привыкли и не кидали удивленных взглядов на мою долговязую фигуру, бегущую по переулку. Затем еще полчаса разминки и упражнений на разболтанном турнике в палисаднике у дома.

Если у нас был свободный день, мы с Людой, обычно, шли на речку. Там купаясь и загорая, проводили время до обеда.

Погоды стояли замечательные. Конечно, труженикам полей и огородов они такими не казались. Но нам, не обремененным дачами, и огромными огородами с ежедневным поливом, они были в самый раз.

Вот и сегодня, я лежал на покрывале, наблюдая, как Люда боязливо заходит в воду. Матросы с проходящей самоходки тоже ее разглядывали и, размахивая руками, что-то кричали, явно приглашая в гости.

Мотив «Ух, ты, мы вышли из бухты» Гальцева сам по себе возник в моей голове.

Я все еще бубнил его под нос, когда мокрая и холодная девушка приземлилась рядом со мной.

– Что за мотивчик напеваешь? – тут же спросила она.

– Да, вот, смешную песенку вспомнил, – ответил я и пропел несколько слов из нее, оставшихся в памяти.

– А что тут смешного, – удивилась Люда. – Мама отпустила дочку погулять и все.

– Мда, действительно, в это время вполне нормально, если девушка пойдет гулять с моряками, – подумал я, – До педофилии еще далеко, о маньяках пока еще не пишут.

Я улегся ближе к Люде и молча размышлял над странностями восприятия.

– Действительно, почему я считал, что она будет смеяться. Все-таки люди сейчас совсем не те, что будут через пятьдесят лет. Нет огромного потока информации, недаром мне все время кажется, что я в застойное болото попал. Медлительность окружающих жутко раздражает.

И вообще, я еще ни разу не задумывался, изменю ли будущее своим появлением. Или моя личность настолько незначительна, что волна изменений этой реальности вообще не затронет главных вех истории. Бабочка Бредбери крылышками бяг-бяг-бяг, хе-хе.

Мои эпохальные размышления были прерваны холодными брызгами воды, падающими на живот.

Открыв глаза, увидел, что Люда поливает меня водой из бутылки.

– Ах, ты так! Ну, держись! – закричал я и, вскочив, бросился за ней. Мы оба с воплями влетели в холодную воду канала и принялись брызгаться, как дети.

– На фиг все эти мысли, – думал я, когда мы, одевшись, шли домой. – Буду жить, как хочу, а там видно будет. А пока,

работаю санитаром, до регистрации еще три недели.

В больнице все было неплохо. Я быстро перезнакомился со всеми работниками, большинство из которых сочли меня компанейским парнем, но себе на уме.

Единственно с кем у меня не ладилась отношения это со Степиком, верным Людкиным вздохателем. В принципе, я был ему даже благодарен, ведь именно он целый год отгонял от нее случайных ухажеров.

Так получилось, что весь июнь по графику мы работали втроем. В мои обязанности, как санитары входила уборка салона машины после смены.

И этот мелкий засранец стоял сзади, как надсмотрщик и тыкал пальцем, указывая, где осталась грязь, или еще какая бяка, стараясь вывести меня из себя.

Я спокойно занимался уборкой, не реагируя на подколки Степика, что еще больше его раздражало.

Чувствовалось, что ему очень хотелось подраться. Но уж слишком у нас были разные весовые категории. Кстати, когда я, между делом упомянул Степика в разговоре с тестем, тот весьма озаботился.

– Ты с ним Сашок, осторожней, это такой хитрожопый парень. Он с тобой и связываться не будет. Дружков своих подговорит, отметелят тебя в темном углу.

– Да, ладно, Николай Васильевич, все будет нормально. На всякую хитрую задницу, имеется болт с винтом – легкомысленно ответил я.

Всю свое легкомыслие я понял, когда мы с Людой, возвращаясь вечером с работы, встретили троицу подвыпивших, крепких ребят. Настрой у них был явно агрессивный.

– Саша, – только не лезь, – сразу начала шептать девушка мне в ухо. – Я сама с ними поговорю.

– Сережка! Вам делать больше нечего, как к соседям приставать? – закричала она, подходя к парням. – Я Витьке все расскажу.

Парень моего роста, с длинными сальными волосами под Битлз и одетый в широченные клеши, пренебрежительно сплюнул.

– Людка, брысь домой, мы с твоим хахалем потолкуем, есть у нас к нему пара вопросов. А братца твоего я на х... вертел.

– Даже не подумаю, никуда уходить, – заявила Люда.

– Шли бы парни своей дорогой, и не портили нам настроение, – вздохнув, сообщил я.

– Ну, ты наглец! – выдохнул длинноволосый и ринулся на меня. Зря он так сделал.

Через минуту троица в различных позах живописно разлеглась на земле.

– Хм, видел бы меня сейчас Толя Ларцев, мой первый тренер по айкидо, – горделиво подумал я. – Он все время утверждал, что в драке на улице с моими талантами делать нечего. А ведь даже дыхание не сбилось, и хоть пятнадцать лет прошло с последней тренировки, память сохранила все движе-

ния до мельчайших деталей. Кстати, как-то быстро я парней раскидал, пожалуй, у меня так не получалось на пике спортивной формы.

Люда подхватила меня под руку и потащила в сторону дома, смеясь и плача одновременно.

– Саша, как же так? Я так испугалась, слова не успела сказать, а они уже на земле валяются, мне казалось, тебя побьют, помнишь, как два года назад, когда ты меня провожал до общежития?

Я молча слушал Люду и вспоминал, то, что должно было случиться через пятнадцать лет, когда я, тридцатипятилетний врач, отец семейства, зашел в спортивный зал, где молодой тренер Анатолий Ларцев набирал группу учеников. В зале вокруг него толпился народ. В основном это были пацаны в возрасте от десяти до двадцати лет. И все они, как по команде уставились на меня.

– А что тут делает этот мужик? – такой вопрос можно было прочесть в их недоумевающих глазах.

– Ларцев оценивающим взглядом окинул меня с головы до ног и ехидно спросил:

– Надеюсь, справку от врача вы, доктор, принесли?

Получив требуемую бумажку, тренер отвел меня в сторону и сказал:

– Вы, ведь понимаете, что в таком возрасте рассчитывать на что-то серьезное бессмысленно.

– Ну, если понимать под чем-то серьезным успехи в спор-

тивной карьере, то я на них не рассчитываю. Просто хотелось заняться чисто для себя, работа у меня не шибко подвижная и чтобы не заплыть жиром, хочется держать себя в тонусе. Посмотрел по объявлениям и выбрал айкидо, вдруг и в жизни пригодится, – сумбурно ответил я.

Ларцев скептически произнес:

– Не знаю, не знаю, вряд ли пригодится, полезней вам бегом трусцой заняться, хотя бы убежать сможете, если попадете в неприятную ситуацию, Уличная драка, это вам не борьба на татами.

Я улыбнулся.

– Знаете, я много лет занимался лыжами, поэтому бегать не тянет, лучше займусь борьбой.

Тренер в ответ тоже улыбнулся и сочувственно сообщил:

– А у меня тоже бегать нужно и много, ОФП еще никто не отменял. Тяжко вам придется.

Он был прав, к концу первого занятия, я еле передвигал ноги. С трудом добрал до дому. В теле болела каждая косточка. Супруга, глянув на меня, тяжело вздохнула, но комментировать не стала, все, что она хотела сказать о моем желании заняться борьбой, было уже сказано.

Первый месяц оказался самым трудным. Домой я приползал, шипя от боли, и отпаривал ушибы и растяжения, сидя в горячей ванне. Бороться приходилось не только со своим телом. Домашние объединились в коалицию, мать, жена и даже десятилетняя дочка дудели в одну дуду.

– Брось свои дурацкие занятия. Займись чем-нибудь другим.

Даже Пашка, в письме выразил озабоченность моим поведением. Типа не пора бы мне сходить на прием к психиатру. Однако я занятия не бросал.

Через год состав группы, пришедшей в тот день на занятия, практически полностью поменялся, в ней из первого набора осталось всего три человека, включая меня.

За это время я с Ларцевым немного сдружился, все-таки разница в возрасте была у нас небольшой. Мне с самого начала казалось, что он не слишком большой специалист в айкидо, а со временем убедился в этом окончательно. Собственно, Толя в этом и сам мне признался.

– Слушай, Владимирыч, я вижу, ты мужик упорный, звезд, конечно, с неба не хватаешь, но немного больше чем сейчас достичь сможешь. У меня тебе делать нечего, если только форму поддерживать. Если хочешь, я позвоню моему бывшему тренеру, попрошу его с тобой заняться. Он со стороны людей не берет, но если я попрошу...

Предложение Ларцева застало меня врасплох, в принципе, мне вполне хватало нагрузок, а к тому, что не росло мастерство, я относился спокойно. Ну, о каком мастерстве можно серьезно думать в тридцать шесть лет. Работа, семья, дети. В этом возрасте многие спортивную карьеру заканчивают.

Однако, подумав, я согласился. Пожилой невысокий кре-

пыш, Виктор Иванович Лисицын, принял меня доброжелательно. Проведя короткий спарринг, многозначительно вздохнул, но вслух только сказал:

– Ладно, сойдет, есть у меня с десятков таких повернутых на голову старперов, пополнишь их ряды, надеюсь, Толик сказал, сколько стоят тренировки?

Я кивнул, занятия стоили тридцать рублей в месяц, довольно чувствительно для кошелька, и без того опустошаемого алиментами. Но эти занятия для меня уже стали своего рода наркотиком, без них я уже не представлял своего существования.

В то время я еще не предполагал, что впереди у меня почти двадцать лет подобных тренировок. За эти годы у нас сложилось что-то вроде мужского клуба. Люди в нем были абсолютно разные от заводского электрика, до инструктора из обкома партии. Но, надев кимоно, мы уже ничем не отличались друг от друга. Бессменным нашим руководителем все годы оставался Виктор Иванович. Он сам занялся айкидо, будучи мастером спорта по вольной борьбе, и отдавал новому увлечению все свободное время. Тем более что ни семьи, ни детей у него не было.

– Саша, ты где? Мы домой пришли, – дернула меня за руку Люда. Я мотнул головой, выплывая из воспоминаний.

– Да, так, задумался.

– Задумался он, – хихикнула моя невеста, пришедшая в себя после неприятного инцидента. – Побил трех парней, как

детей, а теперь думает. Жду не дождусь завтрашнего дежурства, расскажу Степке в подробностях, как ты его дружков раскидал.

Дома, за ужином я все возвращался мыслями к произошедшей схватке. Беспokoила легкость, с которой я ее провел. Все же, разумная сущность, или просто какая-то физическая аномалия, переселившая меня в прошлое, наградила организм кое-какими плюшками. Догадаться бы еще какими.

Я прекрасно помнил свой, ничем не выдающийся уровень в айкидо, а сейчас, без особых потуг с моей стороны повысил его, и просто молодым возрастом это не объяснить.

Обдумав эту проблему со всех сторон, пришел к выводу, что кроме пользы такие способности мне ничем не грозят.

По просьбе Люды родителям мы ничего не рассказывали, во-первых, она не хотела расстраивать маму, а во-вторых, боялась, что Николай Васильевич, после пары стопарей вполне может пойти разбираться с соседскими парнями.

Зато ночью она с неожиданным пылом отдавалась мне на полу нашей маленькой спальни.

– Женщины, что не говори, любят победителей, – констатировал я, засыпая в кольце жарких объятий.

Незаметно прошел июнь, Я, занятый учебой в автошколе, работой, времени практически не замечал. Люда была озабочена приближающейся свадьбой и все свободное время бегала по промтоварным магазинам. Хорошо, что их в Вытегре было всего два.

Нам в загсе выдали талоны для покупки дефицитных товаров. Но на прилавках было хоть шаром покати. Нет, вру, все полки и прилавки были забиты товаром, обувью, одеждой, различным ширпотребом, сделанным из качественных материалов. Проблема была в другом, покупать все это великолепие никто не хотел. Все хотели красивого и модного. А где его взять?

Как обычно, выручил блат. Галина Михайловна кем работала? Заведующей пекарней райпо. Так, что в скором времени мы с Людой были допущены в святая святых, базу районного потребительского общества. Там, приветливая товаровед, пальцами, унизанными золотыми перстнями, накидала нам на большом столе кучу модных шмоток. Люда первым делом схватилась за югославские белые туфельки с высоким каблуком, а затем с печальным лицом положила обратно.

На мой вопрос, почему так, она смущенно призналась:

– Мне кажется, я в них буду выше тебя.

Про себя я с ней согласился:

– Не наверно, а точно, этот каблучище сантиметров десять будет.

Вслух же сообщил, надо тогда и мне поискать, что-нибудь на каблуке.

Товаровед тут же достала с полки коробку с финскими мужскими полусапожками. Глянув на себя в зеркало, я почувствовал себя ковбоем. Не хватало только шпор. Но Люда осталась довольна. Теперь даже на каблуках она оставалась

на пару сантиметров ниже меня. Ну, всего то сто девяносто сантиметров.

Удивил Николай Васильевич.

Как-то вечером он явился с работы с большой коробкой и вручил ее жене, та, схватив ее, немедленно ушла к себе, позвав Люду с собой. Вскоре из комнаты донесся ее восторженный визг.

– Чего это они? – недоуменно спросил я у будущего тестя.

– Меряют, – ответил тот, не вдаваясь в подробности.

Через полчаса из комнаты вышла раскрасневшаяся Люда в белом гипюровом платье, с открытыми плечами.

– Ну, как? – тревожно спросила она.

– Бесподобно, – выдохнул я. – Словами не передать.

– Люда кинулась на шею отцу.

– Папка, спасибо! Как ты угадал? Сшито, прямо как на меня! – воскликнула она.

Николай Васильевич довольно ухмыльнулся.

– Из Дании привезли. Старпом с Балтийского 31, дочке нашего парторга купил, а с размером промахнулся. Он сегодня на работе жаловался, а я, не будь дурак, платье у него купил.

За пару дней до свадьбы гостей у нас прибавилось. Приехала мама и Пашка. Дома сразу стало шумно. Мама моментально нашла общий язык с будущей сватьей и помогала ей в готовке, Пашка, увидев Люду, сразу же спросил:

– Сашка, а у нее сестры случайно не имеется?

Я засмеялся.

– Ты же говорил, что заканчивать жизнь ранней женитьбой не собираешься.

– Ну, не собираюсь, конечно, но погулять то можно, – ответил тот.

Витька, брат Люды тоже появился, не запылится, правда, пока без жены. Зайдя вместе со мной в свою комнату, он сразу спросил громким басом:

– Кровать то сильно скрипит?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Мы на нее не ложимся, спим на полу. Здоровенный парень, выше меня на полголовы, громко засмеялся и одобрительно покачал головой. После чего начал допытываться, нет ли у нас проблем с местной молодежью. Я скрывать ничего не стал, рассказал все, как было.

Витька насупился и пообещал разобраться с соседскими пацанами. А я ведь еще не уточнил, на чем его пообещал вертеть Серега Шкипин.

– Интересно, если расскажу, он сразу побежит морды бить? – насмешливо подумал я.

Худо-бедно в день регистрации народа у дома собралось, не протолкнуться. Машину мы не заказывали, до загса идти было минут пятнадцать. Вот так, в сопровождении веселой подвыпившей толпы мы и прошли этот путь.

Уже у нужного здания Люда виновато шепнула мне:

– Саша, я сейчас упаду, из-за туфель ног совсем не чув-

ствую.

Пришлось подхватить невесту на руки и так зайти в загс под одобрительные выкрики и свист наших гостей.

Сама свадьба прошла без особых эксцессов, даже драк не было. Народа приехало немного, человек сорок. Массивная фигура тестя и шурина на раз отбивали желание помахать кулаками самых духаристых гостей. Знакомиться с ними у меня особого желания не имелось. Было ясно, что большинство дальних родственников в будущем мы не увидим.

Наши свидетели, на удивление, друг другу внимания не уделяли. Подружка Люды мелкая чернявая девица Аня Прошина беззастенчиво строила мне глазки, а Вовка Охотников мой коллега по работе санитаром в больнице молча хлопал одну рюмку за другой.

Из-за Аньки у нас случилась первая размолвка. Люда ухитрилась меня к ней приревновать.

– Знала бы, никогда Аню в свидетельницы не взяла, – шептала она мне в ухо во время танца. – Она на тебя глядит, как кот на сметану, а ты, гад, ничего против не имеешь.

Я же ничего не говорил, лишь улыбался. Опыт длинной жизни не пропьешь. Оправдываться было бы бесполезно. Все равно будешь виноват.

Ну, а так свадьба ничем особым не отличалась от прошедшей в первой жизни.

Поэтому, когда мы, наконец, добрались до своей комнатухи, перешагивая через вповалку спящих гостей и род-

ственников, и улеглись в первый раз не на пол, а на скрипучую кровать, я испытал немалое облегчение. Первый, короткий этап моей новой жизни заканчивается, надо готовиться к следующему.

Ученье – свет

Видимо, пробелы в моей памяти все же имелись. Иначе, с чего мне втемяшилось в башку, что при поступлении в торгово-кулинарное училище надо сдавать экзамены.

Хотя, Людмила тоже так думала. Объяснила нам все теща, когда однажды утром я начал ей рассказывать, что мне надо скататься в Петрозаводск для сдачи вступительных экзаменов.

Теща многозначительно улыбнулась и сообщила:

– Я уж считала, зятек, ты все на свете знаешь. Оказывается, и нет. Чтобы поступить в училище надо просто отнести туда документы и ничего больше. Притом, можно нести их до первого сентября. Объяснить почему?

Я покачал головой, все было и так понятно. Неудачникам, не поступившим в институт, или техникум, в советской стране приветливо распахивали двери профтехучилища.

Вообще, новости я обрадовался. Отпадала необходимость отпрашиваться на пару недель с учебы в автошколе и с работы.

Да, и так из-за автошколы мои планы пришлось корректировать. Заканчивалась там учеба в конце июля, поэтому переезд в город мы перенесли на август.

Люда тоже явно обрадовалась этому обстоятельству. У нас во всю продолжался медовый месяц, тем более что ее роди-

тели после недолгих сборов и споров, укатили в Геленджик, где собирались отдохнуть не менее трех недель. Так, что нам было чем заняться в свободное от учебы и работы время.

Единственно, кто периодически портил нам малину, это Витька.

После того, как тесть выполнил мою просьбу и сварил мангал и коптилку, Людкин брат стал у нас частым гостем.

Как ни странно, шашлык в семье Струниных успехом пользоваться не стал. Николай Васильевич, сожрав три шампура баранины, сообщил, что мясо неплохое, но тушеное с картошечкой гораздо вкусней. Галина Михайловна, откусив кусочек, заявила, что для ее желчного пузыря жареное мясо слишком вредно.

Зато коптилка у нас не простаивала все лето. И особенно она полюбилась Виктору.

В первый раз, попробовав копченого сига, он даже закрыл глаза от удовольствия. А затем, практически в одиночку, умял всю оставшуюся рыбу.

Следующим вечером, когда мы с Людой были на работе, он приволок два ведра здоровенных окуней и сам принялся их коптить.

Утром, по приходу домой, мы разогнали стаю галок и ворон, сидевших на помойке. Они там доедали Витькину рыбу.

– Да сжег он окуней, – объяснила нам Галина Михайловна, – горечь была страшная, есть невозможно. Я ее сразу на помойку отнесла.

Из любопытства я поперся смотреть, чем шурин коптил рыбу и с удивлением обнаружил рядом с коптилкой кучу свежих осиновых веток.

Вечером Витек появился снова, но на этот раз он сам коптить рыбу не стал, а пристал ко мне. Пришлось выдать ему все свои невеликие хитрости. А главное, полешки сухой яблони, которые следовало превратить в щепу.

Витька воспрял духом и приступил к делу. Через полтора часа он занес в дом тазик с готовой рыбой и уныло заявил, что его рыба все равно хуже моей.

Его слова подтвердили все родственники.

– Не знаю в чем дело, но у тебя, Саша, рыба получается намного вкусней Витькиной, – резюмировал общее мнение тесть.

Так, что в результате даже после отъезда тестя с тещей на юг, в одиночестве мы не оставались. Витька появлялся у нас то с женой, то с приятелями, тащившими рыбу и авоськи с трехлитровыми банками с пивом.

Если бы я не знал, что через пару недель мы уедем, то точно бы поругался с ним. Люда оказалась неожиданно страстной в постели, и мне хотелось проводить с ней больше времени. А не слушать пьяные излияния Виктора и его друзей.

Но, увы, приходилось мириться с его частыми визитами. К счастью, копченая рыба, наконец, Витьку надоела, и он стал приходить реже. Как раз к приезду родителей с югов.

К концу июля я сдал экзамены в автошколе, и получил права категории В и С. За что был особо благодарен тестю, именно он сделал мне царский подарок, добавив к моей записке еще сто рублей для получения категории В.

Экзамены прошли без особых проблем, по крайней мере для меня. Все же несколько человек завалили теоретическую часть, и еще парочка не сдала вождение. Таких как я, сдававших на две категории, было всего несколько человек. Но толстый, потный гаишник после того, как мы прокатились на старом грузовике, лениво махнул рукой и сообщил, что вождение на легковой машине мы, оказывается, уже сдали.

Парни бурно радовались и скидывались на бормотуху, чтобы отметить это событие, но я поспешил домой.

Дома, как я и предполагал, был накрыт стол. Почему-то никто не сомневался, что я успешно получу права.

Лица собравшихся родственников, тем не менее, бурных восторгов не выражали. Завтра мы с Людой уезжали в Петрозаводск.

Витька первым высказал общее мнение.

– Саня, не дело ты придумал в повара идти. На хрен тебе это надо? Ты и без учебы классно рыбу коптишь. А пироги печешь, мамка таких сроду не делала. Учиться пойдешь, целый год без толку потеряешь. А потом копейки будешь в столовке получать.

– Верно, Витька говоришь, – согласился тесть. – С работы в столовке не разгуляешься. Шел бы ты Санек к нам на за-

вод, или уж водителем к теще в пекарню. А в Петрозаводске придется квартиру снимать, по чужим людям мотаться. Чего вам дома не сидится?

С этими словами он искоса глянул на дочь.

У той, как обычно, глаза уже были на мокром месте.

Я успокаивающе положил ладонь ей на запястье и миролюбиво обратился к тестю.

– Николай Васильевич, ну, чего об этом снова разговор заводить, вроде бы мы обо всем договорились.

В общем, прощальный вечер не очень удался. Первой заплакала Люда и выскочила из комнаты. Затем заплакала теща и убежала вслед за ней.

Витькина жена, Света, молодая круглолицая женщина тоже хотела последовать вслед за ними.

Но, после короткого окрика мужа, послушно уселась обратно. Тесть тяжело вздохнул, скептически посмотрел на недопитую бутылку портвейна три семерки, стоявшую на столе и потянул из-под него бутылку Столичной.

– Разлив ее по стопкам, он в манере Булдакова громко произнес:

– Ну, мужики, с почином. – И лихо опрокинул содержимое стопки в рот.

Когда мама с дочкой, обе с заплаканными глазами вновь уселись за стол, у нас уже было весело.

Мы с Витькой и его женой пели «Довела меня тропка до вишневого сада». А тесть подыгрывал нам на гармошке. Хо-

тя, лучше бы он этого не делал. Но останавливать его было себе дороже.

Люда уселась рядом со мной, обняла за талию и начала нам подпевать сильным звонким голосом. Мы с Витькой посмотрели друг на друга, сразу поняв, кто сейчас будет запевалой.

Я тоже обнял жену и, продолжая петь, размышлял, чего еще не знаю о ней. Оказывается, рядом со мной поет практически Валентина Толкунова.

Затем мы спели еще песню, затем еще, тему переезда никто больше не поднимал. Часов в одиннадцать вечера мы все же закончили праздник, На посошок выпили с Виктором и Светой. Проводили их до главной дороги, и потом улеглись спать. Вещи были сложены еще вчера.

Рано утром мы с Людой уже стояли на автобусной остановке. У ног жены сиротливо стоял небольшой фибровый чемодан. А у меня за плечами висел довольно тяжелый рюкзак. Теща, несмотря на уговоры, накидала в него всяческой снеди.

– Мда, неплохо мы начинаем семейную жизнь, – в который раз подумал я, оглядывая наш скудный багаж. – Голы, как соколы.

Однако, несмотря, на легкое похмелье и утренний холодок, настроение у меня было отличным. Я не сомневался, что все у нас будет хорошо.

Люда прижалась ко мне, крепко ухватив за руку, как будто

переживала, что я куда-нибудь убегу.

– Не бойся, – шепнул я ей. – У нас все получится.

– С тобой мне ничего не страшно, – шепнула она в ответ.

И я был уверен, что она так думает на самом деле.

Когда мы вышли из автобуса на автовокзале Петрозаводска, жара стояла невероятная. Но после душного салона, сразу стало легче дышать.

Немного поспорив, кто понесет чемодан, я забрал его у Людмилы и мы потопали в сторону нашего нового жилища.

Собственно, идти было недалеко. Автовокзал находился на бывшей окраине города, застроенной частными домами и носившей гордое имя Перевалка. На улице Лежневой располагался домик Клавдии Ивановны Гусевой, у которой я снял комнату.

Бодрая, седая старушка встретила нас приветливо, но сразу поинтересовалась документами и внимательно рассмотрела штамп загса в паспортах.

После этого ринулась показывать наше жильё. Для этого пришлось снова выйти на улицу.

Меня именно это больше всего привлекло в комнате то, что вход на второй этаж был отдельный, поэтому приходиться и уходить мы могли, не беспокоя хозяйку.

А та, тем временем мялась, видимо, желая обсудить вопрос оплаты. И когда разговор зашел об этом, она сразу сказала:

– Саша, тут Толик ко мне заходил, сильно ругался, что я

с тебя много взяла. Мы с ним посоветовались и решили, что восемь рублей в месяц будет достаточно.

– Восемь, так восемь, – согласился я, чего спорить, если просят меньше.

Мансардная комнатка была площадью метров двенадцать, к кирпичной трубе, проходящей в ее центре, была пристроена небольшая печурка. Стол у окна, кровать, и небольшой шкаф составляли всю мебель.

Оставив вещи, мы вместе с хозяйкой спустились к ней. Вволю напившись, чаю из самовара и поболтав со старушкой, мы снова поднялись наверх и принялись раскладывать свои вещи. Учитывая их небольшое количество, справились мы за пятнадцать минут.

Все наши шмотки заняли две полки в шкафу, а на вешалках висели пара платьев, да мой костюм, купленный на свадьбу.

Ну, что, пойдём к свекрови в гости? – предложил я, когда все было сделано.

– Я боюсь, – испуганно сообщила Люда. – На свадьбе она так нехорошо на меня смотрела.

Надо сказать, что первый день по приезду в Вытегру мама действительно держала пальцы веером, но уже к вечеру сдружилась со сватьей и оживленно обсуждала с ней меню торжества и платье невесты. Некая неловкость в общении с невесткой у нее оставалась, наверно потому, что Люда ее слегка побаивалась. Вот и сейчас она робко предложила:

– Санчик, может, мы завтра к ней в гости ходим.

– Давай, завтра, только с утра прогуляемся до училища, и тебе работу поищем – согласился я, – А сейчас проверим кровать бабы Клавы на скрипучесть.

Проверка показала повышенную скрипучесть, поэтому пришлось, как в Вытегре, перекладывать матрац на пол. На какое-то время мы выпали из окружающего мира. Но возвращаться в него все же пришлось. Обедать мы не обедали, но поужинать было бы неплохо. Я оделся и отправился к хозяйке.

Надо было уточнить, где брать воду и дрова, и спросить чайник. Остальная посуда, тарелки, ложки, кружки, стояли на полках в настенном шкафчике.

Клавдия Ивановна быстро растолковала, где находится колонка, из какого сарая можно брать дрова. А сегодня, чтобы нам не бегать лишнего, предложила приготовить ужин у нее на кухне. Она, конечно, ожидала, что готовкой займется Люда, поэтому с некоторой оторопью наблюдала, как я вытаскиваю из притащенного сверху рюкзака банки и пакеты. И начинаю чистить картофель.

А через час мы вдвоем за обе щеки уплетали нехитрое блюдо картошку с тушенкой.

Клавдия Ивановна, вначале отказывалась, но после того, как я половником выложил аппетитную горку на тарелку и присыпал зеленым лучком с укропом, по кухне разнесся такой запах, что старушка не выдержала и тоже уселась за стол.

– Саша, ты наверно, секрет какой знаешь, – сказала она, когда подобрала остатки подливки с тарелки. – Никогда такой вкусной картошки с тушенкой не ела.

Люда засмеялась.

– Он точно, знает. Я из-за этого готовить перестала, у меня так не выходит. Вроде бы все так же делаю, один в один, а не получается и все тут.

Я улыбался, слушая их разговор, но в то же время размышлял, о моей прорезавшейся способности вкусно готовить еду. Действительно, я умел и любил это дело, но сейчас окружающие странно реагировали на мою готовку. Я заметил это, когда Виктор начал приставать ко мне с просьбами, коптить рыбу. А когда я в первый раз испек пироги, начались такие восторги, что мне стало неудобно. Галина Михайловна, внимательно смотрела за мной, все боялась, что у меня ничего не получится, а потом недоумевала, откуда такой необычный вкус у пирогов, ведь никаких хитростей она не заметила.

– Может, если я возьмусь за что-то другое, у меня тоже все получится? – подумал я, сворачивая ноздреватый блин и макая его в сметану. Но что-то подсказывало, мне, что-то другое вряд ли получится.

С другой стороны, я ведь уже не удивляюсь невероятному переносу сознания, произошедшему со мной. По сравнению с ним, талант к приготовлению пищи вообще ерунда. Чему, собственно, удивляться?

– Ох, накормил, так накормил, – выдохнула Клавдия Ивановна, отодвигаясь от стола и с сожалением поглядывая на последний блин, оставшийся на тарелке. – Ведь знаю, что нельзя, холестерин зашкаливает, а все ем и ем, остановиться не могу. Картошка с мясом, блины, так и лопнуть можно.

– Саша, наверно, с завтрашнего дня готовить еду буду я, – сообщила Люда, украдкой прихватив последний блин. – Так дальше жить нельзя, я килограмм прибавила за две недели.

Эти слова я не преминул напомнить жене ранним утром следующего дня, шепнув ей в ушко после поцелуя.

– Люда, кто-то вчера высказал желание заняться завтраками, обедами и ужинами. Это не ты была, случайно?

– Санчик, ты что всерьез поверил? Ну, пожалуйста, давай сегодня ты в последний раз этим займешься, а с завтрашнего дня я начну, честное слово. – Люда убеждала меня, глядя своими тонкими пальчиками мой живот, опуская руку ниже и ниже.

Я не стал говорить, что согласился бы и без такой стимуляции, но зачем разочаровывать девушку, пусть старается.

Газовой плиты у нас в комнате не имелось, но ее вполне заменила электроплитка. Потомив на сковородке порезанные помидорчики, я залил их яйцом, а затем, поперчив и посыпав зеленью, поставил на стол.

Люда жалобно глянула на меня, намекая, что большую часть омлета нужно съесть мне.

А что? Я и не отказывался. Вдвоем мы быстро очистили

сковородку. Кофе с цикорием было не айс, но другого все равно не имелось.

После завтрака пришлось решать два сложных вопроса, снова забраться в койку, или отправиться в город. Пришлось подкинуть монетку. Победил второй вариант. Так, что мы оделись и через полчаса уже стояли на автобусной остановке.

Время уже было около девяти утра, поэтому народа на ней особо не наблюдалось. Несколько человек усердно изучали свежую газету, расклеенную на стенде. Я присоединился к ним. Надо же было почитать, о чем пишет местная газета Ленинская правда. Передовицы я, как всегда, пропустил. А вот в объявлениях меня привлек заголовок: «Госуниверситет производит набор на краткосрочные курсы бухгалтеров. Звонить по телефону такому то».

– Люда, посмотри, – обратился я к жене. – Тут неплохой вариант нарисовался. Почитай.

Та прочитала и вопросительно уставилась на меня.

– Ну, что ты смотришь, как Ленин на буржуазию? – усмехнулся я. – Будешь работать медсестрой или фельдшером, и посещать вечерние курсы. Закончишь, будем искать тебе работу с финансами. Кстати, вон, четверка подошла, давай, садимся, сразу до университета и доедем.

Люда, двигаясь, как сомнамбула, автоматически последовала за мной в двухсекционный Икарус. И только, когда уселась рядом со мной, пришла в себя и начала бурно возражать. Да так интенсивно, что если бы я не знал будущее, воз-

можно, согласился с ее доводами. Но будет гораздо лучше, если «святые девяностые», как их назвала Наина Ельцина, моя жена встретит не медсестрой, а сотрудницей госбанка.

А посему, на остановке около университета мы вышли и отправились искать деканат экономического факультета, где как нам объяснила вахтер, проходит запись на курсы.

– Через полчаса мы вышли из мрачного коридора на залитую солнцем улицу.

– Ну, я и дура! Зачем только согласилась? – воскликнула Люда, убирая в сумку, квитанцию об уплате двадцати рублей аванса за обучение.

– Все путем, еще спасибо мне скажешь, – сообщил я. – Сейчас едем в поликлинику, искать тебе дневную работу.

В поликлинике мы так же пробыли недолго. В отличие от врачей, избытка среднего персонала в городе не наблюдалось. Поэтому после недолгой беседы с главной медсестрой нас отправились в отдел кадров. Так, что из поликлиники Люда вышла уже медсестрой хирургического кабинета. Ее пытались уговорить выйти на работу уже сегодня во вторую смену. Но после моего короткого, нет, зав кадрами, заткнулась и в первый раз уважительно глянула в мою сторону.

– С ними только так надо говорить, – втолковывал я Люде, выйдя из кабинета. – Иначе сядут на шею, ножки свесят, и будут погонять.

А про себя в это время думал:

– Неплохо было бы нам и с комсомолом завязать, карье-

ры мы комсомольской все равно делать не будем. Вот только вопросов будет масса, почему вышли из комсомольской организации, или вас исключили за какие-то проступки. Придется еще семь лет дурью этой маяться.

Зато в торгово-кулинарном училище мое появление вызвало фурор. Когда мы, отстояв небольшую очередь из трех девчонок, зашли в приемную, секретарша даже не подняла голову.

– Документы давайте, – буркнула она Люде.

– Простите, это мне нужно сдать документы, – сообщил я, улыбаясь.

Пожилая женщина, наконец, подняла голову, и, сняв очки, начала меня разглядывать.

Видимо, она нажала кнопку селектора, потому, что из дверей с надписью директор вышли сразу две довольно симпатичные дамы средних лет.

– Вот, к нам молодой человек, после армии поступает, – растерянно сообщила им секретарь.

Дамы из строгих преподавателей сразу превратились в двух любопытных кумушек и начали выспрашивать, откуда я такой взялся, почему решил поступать в их училище и прочее.

Люде такой энтузиазм не очень пришелся по душе, что явно отразилось на ее лице. Воодушевленные такой реакцией, женщины стали еще больше доставать меня вопросами.

Пришлось снова брать все в свои руки, сдать документы

и распрощаться с будущими учителями.

Когда мы вышли на улицу, настроение у Люды явно упало.

– Не хочу, чтобы ты тут учился, – сразу заявила она.

– Это еще почему? – якобы удивился я, хотя все было понятно.

– Тут одни девки учатся. Я видела, как эти три сикалявки, на тебя глазели, когда мы в очереди стояли. Юбки короткие, задницу видно. И таких тут целое училище. А парней всего трое, директор сказала.

Я усмехнулся.

– Люда, если мы ходим жить долго и счастливо, надо учиться доверять друг другу. Ты понимаешь, что своими словами обижаешь меня?

Размолвка наша продлилась недолго, и мы направились в кафе мороженое Пингвин, что бы заесть ее пломбиром с клубничным сиропом.

Шагая рядом с женой, я думал о том, что в возрасте и опыте есть свои преимущества, всегда знаешь, когда надо что-то сказать, а когда промолчать.

Жизнь семейная

Вечером мы все же отправились навестить свекровь. Люда перед визитом так долго наводила марафет, что пришлось ее поторопить.

Я надеялся, что встреча пройдет достаточно спокойно, и не ошибся. Мама уже примирилась с моей женитьбой и встретила нас неплохо. Мы посидели за столом, поговорили о планах на будущее.

Люда сначала вела себя достаточно скованно, но затем разговорилась, ведь два медика всегда найдут общие темы для разговора. По известным причинам мне присоединиться к этой беседе не удалось. Все мои замечания женщины встречали снисходительными улыбками, дескать, что может понимать в медицине отслуживший в армии токарь, жаждущий стать поваром.

Слишком палиться я не собирался, хотя свои медицинские познания всегда мог объяснить чтением соответствующей литературы.

Однако мама не была бы мамой, если бы, в конце концов, не заговорила о моем дурацком, как она выразилась, желании стать поваром.

– Людочка, может, хоть ты отговоришь этого балду стое-росового? Ведь уперся бараном, с места не сдвинуть, хочу быть поваром и все дела, – обратилась она к собеседнице.

– Клара Максимовна, да мы его всей семьей уговаривали, мама ему такое место хорошее нашла, а ему, как об стенку горох.

– Саша, а на какие средства вы думаете дальше жить? Я понимаю, Люда на работу устроилась, а ты целый год на ее шее сидеть собрался? – обратилась мама уже ко мне.

– Спасибо, мамочка, за замечание, всегда знал, что ты у меня очень тактичная женщина, – с усмешкой ответил я на мамин наезд. – Думаю, что не пропаду, найду, чем заняться.

– И чем же?

– В таксисты пойду.

После моей неосторожной фразы в комнате наступило молчание.

Переведя дух, мама, слегка придя в себя, заявила:

– Саша, разве так можно? Второй раз в этом году чуть до инфаркта не довел. Хотя после твоего желания стать поваром я уже ничему не удивляюсь.

Люда тоже сидела с удивленной миной на лице, для нее это заявление тоже оказалось сюрпризом.

– И как это ты сможешь учиться и работать, – ехидно спросила мама.

– Нормально, днем учиться, а в вечернюю смену таксовать, – сообщил я.

– Ой, Саш, это же тяжело, да и опасная работа, – озабоченно сообщила Люда. Она в отличие от мамы на инфаркт не пожаловалась и поверила в мои намерения сразу.

Заинтригованный Пашка вступил в разговор.

– Умеешь ты, Сашкец, работенку найти, таксовать – это же золотое дно.

Только не возьмут тебя на работу, стажа у тебя ноль. А там пахать и пахать надо, и машину чинить самому, если слесарям не башлять.

– Зато денежно, не то, что, к примеру, ночным сторожем в детском саду спать, – насмешливо ответил я.

Пашка именно там и зарабатывал свои сорок рублей в месяц в дополнении к стипендии. С нашей маман не разбалуеться, всю стипендию ему приходилось отдавать на пропитание, да и детсадовской зарплаты ему доставалось рублей двадцать. Хотя и этого хватало несколько раз сходить в ресторан, только водку приходилось проносить с собой для экономии. В зимнюю сессию он получил трояк и последний семестр денег не получал, так, что мама проела ему все мозги.

В общем, я опять дал родственникам пищу для размышлений. А что делать? Деньги нужны, семейный человек, как никак. В прошлой жизни пока учился, санитарил за копейки в больничном оперблоке. А сейчас у меня есть права, и сорок лет водительского стажа о котором никто не подозревает. А уж ездить сейчас по городу почти при полном отсутствии трафика одно удовольствие.

– Завтра иду в таксопарк, устраиваться на работу, – непреклонным тоном заявил я и посмотрел на окружающих, как бы спрашивая, кто, что имеет против.

Но против никто не выступил. Только мама ехидно проинформировала:

– А ты знаешь, что в сентябре ваше училище на картошку отправят, так, что с работой придется погодить.

– Не бери в голову, мамуля, – бодро сообщил я. – На картошку я не поеду. Есть кое-какие задумки.

По дороге домой Люда шла погруженная в свои мысли.

– Эй, солнышко, ты где? – спросил я.

– Саш, я вот думаю, может, тебе не нужно работать, я могу брать дополнительные смены в больнице. Неужели нам денег на двоих не хватит, пока ты учишься?

– Люда, о чем ты говоришь? Ты не забыла, что у тебя скоро тоже учеба начинается? Кстати, за нее тоже нужно платить, – возмутился я.

– Так, что нигде ты подрабатывать не будешь и точка.

Жене мои слова явно не понравились, но возражать она не стала. Уйдя с опасной темы, мы начали болтать о всякой ерунде.

Следующим утром залеживаться в постели было нельзя. Люда не хотела опаздывать в первый рабочий день, ну, а мне пришлось встать вместе с ней.

Когда она в одном поясе и пристегнутым к нему чулкам дефилировала по комнате, я угрюмо размышлял.

– Ну, почему так устроен мужской организм, именно, когда нет времени на секс, тогда и хочется больше всего.

Люда явно понимала мои трудности, потому, что, закон-

чив с туалетом, показала мне язык. Но потом, сжалившись, добавила.

– Санчик, все вечером, вечером. Я же не виновата, что ты так долго спишь.

– М-да, до вечера далеко, а хочется сейчас, – подумал я, но вслух ничего не сказал.

Когда мы вышли на улицу, я уже, более, менее, пришел в себя, и в брюках ничего подозрительно не оттопыривалось.

Проводив жену на автобус, пешком отправился в автоколонну 1124, в надежде устроится на работу таксистом.

Насвистывая какой-то мотивчик, я бодро двигался по улице Фурманова, когда навстречу вышла Лида Ермолаева, моя бывшая одноклассница.

Выглядела она очень неплохо. Конечно, красавицей белокурая карелка не была. Но когда я смотрел выступление группы АББА, всегда вспоминал Лидку, потому что Агнета Фельдског была ее точной копией.

В десятом классе после Нового года мы с ней начали встречаться, даже целовались украдкой на переменах. Хотя от глаз нашей классной руководительницы скрыться не удалось. На встрече одноклассников через пятьдесят лет, та, смеясь, сообщила мне:

– Саша, а я помню, как вы с Лидой Ермолаевой в кабинете физики целовались, жалко, что у вас ничего не сложилось, такая бы пара хорошая была.

Но после выпускного вечера у нас все как-то заглохло, и

в прошлой жизни я случайно встретил ее всего один раз лет через двадцать.

В этой же жизни случайная встреча произошла гораздо раньше.

– Привет, – синхронно сказали мы друг другу и засмеялись.

– Саша, я так рада тебя видеть, – затараторила девушка. – вроде бы недалеко живем, а четыре года не встречались.

– Мне тоже очень приятно тебя видеть, ты стала еще красивей, – галантно сообщил я в ответ.

Лидка зарделась и довольно улыбаясь, сообщила:

– Я все о своей красоте знаю, а ты остался таким же болтуном, как и был в школе. Кстати, куда это ты собрался в такую рань?

– Иду на работу устраиваться.

В ходе дальнейшего разговора выяснилось, что Лида уже второй год замужем за капитаном морского флота. Она немного удивилась, что я от нее не отстал и недавно женился.

– А ты знаешь, – загадочно сказала она, взяв меня под руку. – Мой муж сейчас в плавании до декабря, и зовут его тоже Саша. Я с работы прихожу после шести, Помнишь, я в той двухэтажке живу, восьмая квартира.

М-да, и почему не встретил Лиду в это время в той жизни? Она бы была одной из жемчужин в моей коллекции. А в этой жизни коллекции у меня не планировалось, поэтому я только молча улыбнулся в ответ.

Лида нисколько не расстроилась и мы с ней продолжали оживленно болтать, пока не дошли до здания слюдяной фабрики, где она работала.

Простилась она со мной легким поцелуем в щеку и убежала в проходную. Я же отправился дальше.

Пройдя в широко раскрытые ворота автоколонны, я спросил у первого попавшегося работника, как пройти к начальству.

Перемежая объяснения легким матерком, тот показал на приземистое кирпичное здание.

В кабинете начальника было накурено. Два мужика сидевшие за столом о чем-то спорили, матерясь не лучше подчиненных.

Что надо? – довольно грубо спросил один них, увидев меня в дверном проеме.

– Алексей Григорьевич? – уточнил я на всякий случай.

– Ну, я, – начальник немного сбавил обороты и заговорил спокойней. – Чего парень хотел?

– Да, вот я весной из армии пришел, в торгово-кулинарное училище поступил, хочу к вам на работу в такси устроиться. Могу работать во вторую смену и по ночам? Надо как-то денежный вопрос решать.

– А ты, однако, нахальный парень, в армии, небось, в автобате служил? – одобрительно спросил начальник.

– Нет, автошколу закончил этим летом.

Мои собеседники поглядели друг на друга и натурально

заржали.

– Пацан, ты устройся для начала в какую-нибудь шарагу, там обтешись, а затем к нам приходи, – сквозь смех сказал начальник. – У нас капусту надо зарабатывать, усек? Это тебе не поваром на кухне щи варить.

– Да, я все понимаю. Вы зря думаете, что не справлюсь, машину я вожу неплохо, город знаю, возьмете, не пожалеете.

– Слушай, Григорьевич, может, возьмем парнишку на испытательный срок? – спросил начальника второй мужик. – Вчера Рому Васильева уволили за пьянку, Гришка Серов на волоске висит. План делать некому. А что с утра он не может работать, так это ерунда, все равно днем клиентуры нет.

Эй, паренек, в выходные то сможешь с утра выходить на смену? – обратился он ко мне.

Я молча кивнул в ответ.

– Тебе, Степаныч, лишь бы взять кого, а мне потом отвечать, – устало ответил начальник. – Короче, берешь пацана, сажаешь на машину и смотришь, как он за рулем. Если все путем, пусть пишет заявление и посылай в кадры.

По дороге в гараж я выяснил, что Петр Степанович является завгаром и сейчас очень озабочен выполнением плана. Так как имеется большая вероятность, что премии за третий квартал никто не увидит. Водителей явно такая перспектива не волновала, их доходы складывались совсем из других поступлений, зато для Степаныча этот вопрос являлся злободневным.

Поэтому, когда мы зашли в просторный бокс он сходу начал орать на собравшихся в углу слесарей и водителей.

– Бл... мужики, вас на минуту нельзя оставить! Кидайте карты и за работу. Три машины простаивает в ремонте.

А вы куда смотрите? – обратился он к водителям, отличившимся от слесарей более цивильной одеждой. – План за вас, кто будет выполнять? Пушкин? Гена, двойка на ходу, или опять движок масло погнал?

Полный румяный слесарь в засаленном комбинезоне и с двухдневной щетиной, откашлялся и солидно заявил:

– Степаныч, обижаешь, все как аптеке.

Завгар повернулся ко мне.

– Права с собой? Дай гляну.

Посмотрев документы, он указал на потрепанную волжанку и скомандовал:

– Садись за руль, прокатимся.

Усевшись за руль, я не удержался и воскликнул:

– Ну, и тарангас!

Степаныч на это только хмыкнул.

– Можно подумать, ты в ДОСААФе на лучшей учился.

Давай, не телись, заводи и погнали, время, как говорится, деньги.

Завелась машина без проблем, когда мы выехали за ворота, Петр Степанович скомандовал:

– Гони в центр, а дальше посмотрим.

Катались мы недолго. Наконец, он сказал остановиться у

ларька и побежал за папиросами.

Возвращаясь, завгар не дошел до машины пары метров и присев на корточки начал материться.

– Бл... как достали эти долбаные алкаши, ну ты погляди, ведь говорил, как нормальным людям, замените сальник, вашу мать! Опять суки старье поставили.

Я открыл дверцу вышел и присел рядом с ним. Под машиной за это время собралась небольшая лужица масла.

Глянув на щуп, обнаружил, что масла в движке еще достаточно, чтобы добраться до таксопарка.

– Петр Степанович, обратился я к завгару, – поехали, пока есть на чем ехать.

Тот кряхтя поднялся.

– Ну, я б... п... покажу Семенову, где бл... раки зимуют.

Пока мы ехали до гаража, он все обещал показать слесарям Кузькину мать.

И действительно, приехав, пообещал им два дня потраченных на переборку двигателя, вычеркнуть из табеля.

Однако, по ухмылкам слесарей, никто в такие санкции не верил. Да все было и так понятно. Машина на сегодняшний день была бесхозная, никто слесарям за нее не башлял, а посему они ее спустя рукава и ремонтировали.

Петр Степанович во всеуслышание завил, что с завтрашнего дня на этой машине работает вот этот молодой парень, весной вернувшийся из армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.